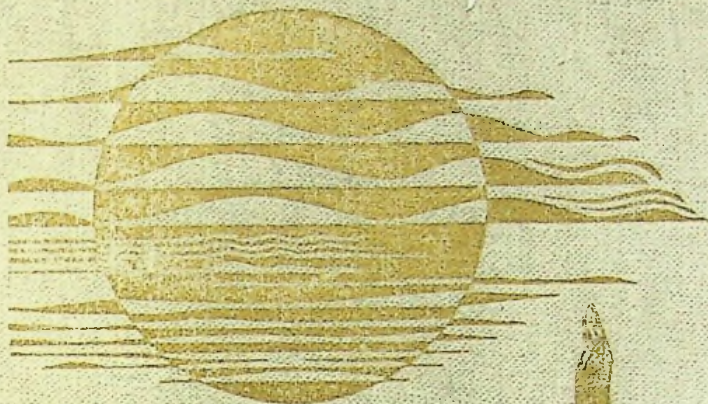


P1

Б-91



И. А. Бунин
СВЕТ
НЕЗАКАТНЫЙ

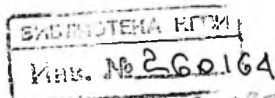
Д



Р1
Б-91
ПОЭТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНИКА



СВЕТ
НЕЗАКАТНЫЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ



МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1981

260163

Р 1
Б 91

Составление, подготовка текста,
предисловие и примечания
Н. В. Банникова.

Текст печатается по изданию:
И. А. БУНИН. Собрание сочинений в девяти томах,
издательство «Художественная литература»,
М., 1965—1967 гг.

Художник О. Рытман

70803—247
Б-----279—81
М 101 (03) 81

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.



ПОЭЗИЯ БУНИНА

Вспоминяя свое раннее детство, Иван Алексеевич Бунин писал, что оно прошло «в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов», что оно было исполнено «поэзии печальной и своеобразной».

Деды и прадеды будущего писателя были родовитыми и богатыми помещиками, владевшими большими землями в Орловской и Воронежской губерниях, но к тому времени, когда родился Иван Алексеевич (а родился он в 1870 году), состояние его отца сильно пошатнулось и таяло буквально на глазах. С отменой крепостного права не все помещиные

дворяне умели приспособиться к новым условиям, имения их нередко продавались «с молотка», переходили в руки разбогатевших купцов и кулаков, вековые помещичьи парки и сады вырубались, наследственные барские усадьбы гибли, а младшее поколение дворянских гнзед должно было поступать на службу, искать себе пропитание на стороне. К таким разорившимся помещикам принадлежал и отец Бунина — в молодости участник севастопольской обороны, человек широкой натуры, страстный любитель псовой охоты и карточной игры, завсегдатай дворянских клубов. Лишь старший сын его, Юлий, духовный наставник маленького Ивана, окончил университет; остальные дети, несмотря на панимаемых домашних учителей, высшего образования уже не получили. Иван Алексеевич ушел из четвертого класса гимназии (учился он в Ельце, квартируя на положении нахлебника в мещанских семьях) пятнадцати лет и всеми своими обширными знаниями, какие он впоследствии приобрел, был обязан только себе и брату Юлию. А другой брат, Евгений, — он шел по возрасту вслед за Юлием и был старше Ивана на двенадцать лет, — забросив занятия живописью, смолоду стал почти настоящим мужиком, по крохам скапливал себе имущество, заводил даже лавку, но потом вынужден был продать последнее бунинское имение Огневку и закончил свою жизнь учителем рисования в Ефремове. Иван Алексеевич рос в атмосфере культурной, слушал из уст нежной и душевно тонкой матери сказки и стихи русских поэтов, слушал ее игру на фортепьяно, читал скопленные десятилетиями, с пушкинских еще времен, книги из домашних шкафов, впитывал предания дворянской старины, но роскоши или материального благополучия не видел. Семья опускалась, беднела, пуждаясь порой в самом необходимом, и жила на глухом хуторе Бутырках под Ельцом.

Все свободное время маленький Иван проводил в общест-

ве крестьянских ребят, пас с ними стадо, ездил в ночное, постоянно бывал во всех окрестных деревнях; сельские праздники, свадьбы, гулянья, сенокос и молотьба, труд и заботы крестьян — весь их быт крепко входил в его сознание. Необычайную чуткость и восприимчивость проявлял он к природе. Его завораживали, волновали до слез и синие мартовские снега, и вьюги, заставлявшие хутор до крыш, так что до него нельзя было добраться ни конному, ни пешему, и весенние трели соловьев, и весенний гулкий ветер, и уходящие ввысь вершины берез, купающиеся в небесной лазури. «Хутор наш приходил в упадок, — рассказывал впоследствии Евгений Алексеевич, — землю большей частью отец сдавал крестьянам, в хозяйстве же оставались две-три коровы и лошадей тоже немного. Себе в посев оставалось очень мало, и все вокруг заросло бурьяном, крапивой, татарками так же, как и сад. Но все это было как-то поэтично: глушь, тишина, только сычи нарушали по ночам эту дремоту, да вблизи, прямо за сараями, была масса перепелов и коростелей. Я любил охотиться за перепелами с сетью и трюкалками подзывать их. Со мной Ваня пристрастился к этой охоте, и мы с ним, половив вечернюю зорю, обыкновенно собирались уходить на утреннюю зорю дальше. Ночи стоят в это время короткие, вот я, бывало, говорю: «Ну я, брат, лягу в амбаре пока поспать, а ты не прозевай, буди меня, караул зорю». И вот, бывало, стоит прекрасная лунная ночь, и он не спит, бегает вокруг амбаров и не ложится, а как услышит первого перепела, будит меня, и мы с ним отправляемся целиком по ржам, по росе. Еще темно, уж перед утром идем, выслушиваем, где лучший перепел. . . »

Позднее, когда Бунин уже писал стихи и прозу, он так увлекся изучением красок и звуков, всех особенностей ночи, что неделями не спал в ночные часы, бродя под открытым небом и подмечая каждый ее таинственный шорох, каждую

тень. А слух, зрение, обоняние даны ему были на редкость сильные: он видел все семь звезд в Плеядах, «за персту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги». Он сознательно развивал свою наблюдательность, художническую зоркость, удивляли впоследствии ею своих близких; пройдет с кем-либо по улице и потом расскажет о встречных людях, обо всем виденном вдвое больше, чем его спутник. Есть своя закономерность в том, что, подобно Тургеневу и Аксакову, Бунин стал одним из самых проникновенных и тонких певцов природы в русской литературе. «Так знать и любить природу, как умеет Бунин, — писал в 1908 году А. Блок, — мало кто умеет».

Путь Бунина в литературу был медлителен и тернист. Начав писать стихи (наряду с дневником) еще подростком, он долго не мог обрести самостоятельного голоса. В ранних его стихотворениях чрезвычайно сильно чувствовались отзвуки прочитанных книг то поэтов пушкинской поры, то Кольцова и Пикиткина. В них было видно и влияние гражданской лирики 80-х годов с ее однообразными напевами про горе и нужды народа, с ее сетованиями на нищету России, в которых уже не ощущалось ни произвольной энергии, ни самобытности сурового Некрасовского слова. Юноша Бунин пишет то о деревенском нищем, то о неразделенной любви, и лишь редкие его строфы — среди навесных старыми поэтическими образцами — обещают того великолепного мастера, каким он стал впоследствии. Слабым, несостоятельным было и первое стихотворение Бунина, попавшее в печать, — «Над могилой С. Я. Надсона» (1887 год, петербургский журнал «Родина»). Почти незамеченной прошла первая книжка его стихотворений, вышедшая в Орле в 1891 году. «Кажется, не было писателя, который так убого начинал, как я», — с горечью говорил Бунин в зрелые свои годы.

Жилось юноше в ту пору трудно. Восемнадцать лет,

«с одним крестом на груди», как выражалась его мать. Бунин покинул родную семью (после Бутырок Бунины перебрались уже в другую елецкую деревню, в Огненику), уехав к брату Юлию Алексеевичу в Харьков. Началась пестрая, полуголодная полоса скитаний молодого Бунина. Он работал в редакции газеты «Орловский вестник», служил земским статистиком, корректором, библиотекарем. Обищался с кружками политически передовых людей, «завязных радикалов», с толстовцами (и сам одно время увлекся толстовским учением и ходил в Ясную Поляну к Льву Николаевичу, но не застал его дома), изучал культуру Украины, жизнь Тараса Шевченко. Года на два оседал в Полтаве, был в Каменец-Подольске, в Смоленске и Витебске, в Киеве и Крыму, плыл по Днепру, спускался на плотах через его пороги, тогда же впервые посетил Москву. Подаром в своих стихах он называет свою жизнь скитальческой. Такой она была у Бунина многие годы. Смолodu им владела глубокая страсть к путешествиям. В 1895 году в очерке о споей посадке в Канев, на могилу Тараса Шевченко, он признавался: «...порой я готов умереть от солнечного удара, лишь бы провести этот долгий-долгий июньский день в открытой степи. — идти по горячей пыльной степной дороге, пробираться по межам, утопавшим в неподвижных ржах, овсах и пшеницах, где стоит и, как от костра, пышет в лицо сухой жар и душно пахнет степной растительностью — нагретыми цветами и травами...» «Все учусь, — по книгам и по жизни: шатаюсь по деревням, по ярмаркам, — уже на трех был», — пишет он через два года в письме к поэту и переводчику стихов Шевченко И. А. Белоусову.

Газетная поденщина и бедность, заставлявшие Бунина ходить в оторванных брюках и без теплого пальто, видимо, лишь возбуждали его жизненную энергию. Дух Бунина в эти годы необычайно обогащается. Определялись его взгляды на

жизнь, его подход к литературе и искусству, кристаллизуется собственно бунинский поэтический стиль. В конце 80-х годов Бунин создает уже немало вещей, достойных появиться и в зрелых его книгах. Назовем здесь такие стихотворения, как «Пустынные поля, пейзажи деревень...», «Не видно птиц...», «Цыганка». Максим Горький плакал, слушая позднее на Капри из уст автора стихотворение «Ту звезду, что качалась в темной воде...», написанное в 1891 году.

Бунин осознавал себя на первых порах только поэтом, а не прозаиком, не беллетристом. Проза у него стала писаться исподволь, к ней приучала его работа в газетах. Впоследствии в глазах публики Бунин-прозаик своими чудесными рассказами и повестями как бы заслонил стихотворца, поэта. Но сам Бунин, выпуская книги, неизменно сопровождал свою прозу подборками стихов. Не раз в жизни он говорил, что он все-таки рожден стихотворцем, как Тургенев. И первую известность, первую славу принесла ему именно поэзия. В 1901 году, вслед за выходом нескольких начальных книжек 1897—1900 годов, появился сборник стихотворений Бунина «Листопад» с центральной лирической поэмой того же названия. Сборник этот можно считать вехой, обозначившей утверждение Бунина-поэта. Критика тогда признала его выдающимся певцом природы, правда певцом грустным, отдавшимся тихому чувству запустения деревень и барских усадеб. Бунин как бы пел в своих стихах отходную всему старому укладу помещичьей жизни, одновременно и печалась и признавая гибель дворянских гнезд неизбежной. Грустный колорит очень живописных, красочных стихов Бунина давал повод критикам, и среди них М. Горькому, сравнивать его с художником Левитаном. По сборнику «Листопад» имя поэта Бунина стало общеизвестным. Этому способствовал и тот факт, что за три года до «Листопада»

вышел замечательный бунинский перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате», поныне признаваемый классическим и в 1903 году удостоенный Пушкинской премии Академии наук.

Стихи Бунина, созданные на рубеже наступающего XX века, несли в себе устойчивые традиции поэзии всего предшествующего столетия — от Пушкина до позднего Фета. Бунин опирался на творческий опыт Тютчева и Полонского, учился фетовской тонкой живописи, его искусству передавать настроение самой музыкой стиха, выбором звуков. Он не ломал традиционных стихотворных форм, не изобретал небывалых ритмов и рифм, не искал неслыханных сюжетов. Декадентские веяния, давшие себя знать в России в середине 90-х годов, не затронули Бунина. Он твердо стоял на позициях реализма, показав своей работой, что старый русский стих, стих «серебряного века», таит в себе нескрытые возможности, что силой истинного таланта его можно обогащать, оттачивать в нем новые грани.

Поэзия Бунина отпочковалась от могучего ствола русской классики XIX столетия. Но она отнюдь не была эпигонской, как утверждала враждебная реализму критика символистского толка. Внеся немало нового, оригинального, стихотворения Бунина вошли в историю русской поэзии драгоценной страницей. Красочны стихи Фета, но бунинские не менее красочные стихи цветут и сияют совсем по-иному. Слово — то слово, которое передает и запах, и форму, и цвет, — зачастую подчинено у Фета звуковой, музыкальной волне, растворено в пей, оно как бы зыбкое, мерцающее. В бунинских же стихах слово всегда несет точный смысл, оно более весомо, материально. Лексика в структуре стихотворения у Бунина играет куда большую роль, скупая, но мощно, рельефно рисуя и чисто внешний мир и мир эмоций. Бунин не боится прозаизмов, чуждых высокому поэтичес-

кому стилю приземленных описаний, каких не встретишь у Фета или А. К. Толстого. Унаследовав от Полонского поэтическую новеллу, своеобразный «рассказ в стихах», Бунин разрабатывает ее по своим собственным законам — она у него звучит мужественнее, резче, лапидарнее. Такова и «Песня» («Я — простая девка на баштане»), и изумительный «Мушкет». Вместе с тем дворянские корни Бунина, считавшего и Пушкина, и Тургенева, и Льва Толстого сословно как бы близкими себе людьми, творения которых им были всосаны с молоком матери, многими сторонами смыкали его поэзию и прозу с классикой прошлого.

На глазах Бунина возник и утвердился в русской поэзии символизм. В 1895 году, появляясь в Петербурге и Москве, Бунин лично знакомится со многими представителями нового поэтического течения, в частности с Бальмонтом и Брюсовым. Они были с Буниным почти сверстниками по возрасту — первый из них на три года старше, второй — на три младше и еще не окончил университета. На первых порах Бунин проявляет к ним интерес и благожелательность (он устроил, например, в одесской газете «Южное обозрение» печатание стихов Брюсова, подвергнувшегося после выхода сборников «Русские символисты» почти полному ostrакизму в прессе), отдает свой сборник «Листопад» в символистское издательство «Скорпион», но впоследствии решительно отвергает и символизм и футуризм, видит в них «вальпургиеву ночь», варварское посягательство на устои русской культуры и языка. Он даже сбрасывал со счетов истинные достижения таких выдающихся и не похожих друг на друга поэтов, как Блок и Брюсов, Маяковский и Есенин. Сначала они вызывали у него резкое осуждение как нарушители литературных традиций, а потом и как писатели, вставшие на сторону революции. Весьма скупой даривший своим признанием кого-либо из современников, он всей душой любил

лишь Чехова и с юности боготворил Льва Толстого, написав о нем на склоне лет, за рубежом, замечательную мемуарно-философскую книгу.

В самом начале XX века, уже обретя известность, Бунин примкнул к кругу писателей-эмигранцев, реалистов демократического лагеря, возглавляемых Максимом Горьким. В издательстве «Знание» (1902—1910), организованном Горьким, и в других прогрессивных органах печатает он все главные свои произведения. Посещает «среды» Н. Д. Телешова, где собирались и Л. Андреев, и А. Серрафимович, и В. Вересаев. В одном газетном интервью 1912 года Бунин говорил: «Теперь тяготее больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности». Однако общественные позиции Бунина были далеки от активного вмешательства в жизнь. Он почти обошел молчаньем бурные события революционного 1905 года, проявляя индифферентность к злобе дня и позднее. «Не понимаю — как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не тинет ни куда надо», — писал о Буине М. Горький еще в 1901 году.

Хорошо зная русскую действительность, особенно деревню, многое рассказав в своих произведениях, главным образом прозаических, о характере простого русского человека, о гнете, нищете и забитости, которые омрачали жизнь крестьянина и рабочего, Бунин не верил в действительность назревавшей революции, боялся ее. В 1917 году он оказался неспособным постичь перспективы Октября, расстаться с прошлым во имя будущего и неслучайно ушел в эмиграцию. Эмигрантом он и умер в Париже в 1953 году.

Чисто социальная струя в поэзии Бунина звучит гораздо глуше, чем в его прозе, в таких вещах, как «Деревня», «Суходол», «Братья», «Господин из Сан-Франциско». Стихотворения Бунина можно рассматривать в какой-то мере

как бы философско-лирическим комментарием его пошел и повестей. Лишь изредка сюжетные коллизии бунинских рассказов находили прямое отражение в стихах — таковы, например, и рассказ, и стихотворение, названные Буниным одним названием «При дороге», или стихотворение «Портрет», потом переплавленное в новеллу «Легкое дыхание».

Книга стихов Бунина, изданная в любом составе, читается как нечто цельное и единое, независимо от того, когда возникли входящие в нее те или иные вещи. Такое впечатление складывается потому, что всю поэзию Бунина с первой и почти до последней страницы пронизывают постоянно, с редкостным постоянством звучащие в ней мотивы. Им был подвластен поэт с юности до конца своих дней. Здесь прежде всего следует назвать глубочайшее чувство родины, чувство национального корня, без которого Бунин-художника нельзя себе представить. Русская жизнь конца XIX — начала XX века раскрывается в произведениях Бунина во множестве своих граней и характерных красок. Он один из создателей той великой художественной летописи нашей страны, которая воплощена в книгах Льва Толстого, Чехова, Короленко, Горького, Куприна и других выдающихся русских писателей. Читая прозу и стихи Бунина, словно совершаешь удивительное путешествие во времени, видишь русскую землю, какой она была почти столетие назад, слышишь речь мужиков и бар, странников и нищих, написанных с необычайной, присущей бунинскому таланту изобразительной силой. История родной страны и ее народа завораживала Бунина, держала в крепком плену его сердце. В одной автобиографической заметке писатель рассказывал, с каким затаенным трепетом смотрел он в детстве на прилетевшего к ограде хутора старого ворона: мать сказала ему, что этот ворон жил, может быть, еще при Иване Грозном. Историческая даль преданий, аромат старины вошли в душу

Бунина с отроческих лет. Рисуя в своих стихах степи и пыльные шляхи, глухие леса и болота, Бунин постоянно вспоминает стародавние времена, когда в Диком Поле рыскали воинственные кочевники, когда выводил на половцев свои дружины русичей князь Игорь и над могилами степных конников цепь за цепью вырастали седые курганы.

Странствия в веках стали одним из любимых мотивов Бунина-поэта. Он дорожил возможностью путешествий, побывал во многих странах Европы и Ближнего Востока, плавал по южным морям, посетил Цейлон. В Египте и Палестине, в Константинополе и сирийском Баяльбеке он страстно вглядывался в следы древней жизни, стремясь охватить умственным взором, почувствовать путь человечества на земле от самого его начала. С мучительной остротой ощущал Бунин связь столетий, свое родство с поколениями людей, «стоикрат истлевшими», «с богами всех стран». «Братски соединяется моя рука с сизою сухой рукой аравийского пленника, клявшего эти камни пирамид», — писал Бунин в своем дневнике, путешествуя по берегам Нила. «Могила в скале», «Собака», «В горах», «Кадильница» — множество стихотворений Бунина посвящено этой теме неумирающей красоты, теме родства стран и народов, кровной преемственности людских племен и цивилизаций, как бы ни была велика их череда. След узкой человеческой стопы древнего нубийца, увиденный поэтом в пустынной пещере, среди скал, возбуждает в нем мысль о том, что след этот лишь умножил его, поэта, жизнь «на пять тысяч лет», что древний нубиец словно бы лишь мгновение назад мелькнул перед его глазами. «Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» — чеканит он, будто на граните, строку, в которой слились эти возмущающие человека думы и ощущения.

Сколько солнца, горячего блеска, ветра и зноя в восточных стихотворениях Бунина! Они по-бунински скупы, не-

многословны, с мастерски выбранными, смелыми и точными эпитетами, от которых как бы лучится свет, с простой и естественной поэтической фразой. С первых строк они переносят читателя в другой климат, в другой мир, за ними чувствуешь зоркие всезапоминающие глаза поэта и недюжинные его знания: Бунин впитывал в себя Саади и Хафиза, идущие из глубины пустынь народные легенды и суры Корана. После восточных стихотворений Пушкина и Лермонтова русская поэзия в лице Бунина впервые с такой чуткостью и проникновенностью прикоснулась к Востоку.

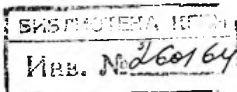
«Ищу я в этом мире сочетанья прекрасного и вечного», — писал Бунин в одном стихотворении. Особого рода пантеизм с годами все больше наполняет его поэзию. С благоговением славя отошедшее, чувствуя нерасторжимость вечного с современным, Бунин тем не менее носит в себе постоянное ощущение неприкаянности, одиночества. Подобно Толстому, он великолепно чувствует свое родство со всем живым на свете. Чтобы убедиться в этом, стоит только перечитать его стихи о сапсане, об олене, о степной кобылице. «И цветы, и шмели, и трава, и колосья, и лазурь, и полуденный зной» — вот что встает перед взором Бунина, когда он думает о своем конце, об уходе из жизни. И все же за гранью этого прекрасного и многозвучного мира, с такой страстью воспетого в стихах и прозе, мы всегда ощущаем у Бунина печаль и тоску. «Как эта скорбь и жажда — быть вселенной — полями, морем, небом — мне близка!» Рядом с «жаждой» Бунин ставит здесь многозначительное слово «скорбь». Человек в потоке мироздания, по Бунину, одинок. Любовь его трагична, она соседствует со смертью; все сущее обречено уничтожению. Издавна прокрадывалась в поэзию Бунина эта тоска, этот трагизм. Однако в молодости подобные ноты были у него гораздо мягче, элегичнее:

...Здесь грустно. Ждем мы сумрачной поры,
Когда в степи седой туман почует,
Когда во мгле рассвет едва белесет
И лишь бугры чернеют сквозь туман.
Но я люблю, кочующие птицы.
Родные степи. Бедные селенья —
Моя отчина: я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастье — в печальной красоте.

Поэт, находившийся в расцвете сил, умел мужественно преломить эту печаль, видеть свет вопреки мраку. И лишь в последние десятилетия своей жизни, пребывая в эмиграции, в отрыве от родины, иногда поддавался чувству безнадежной тоски.

Творчество Буннина уже давно воспринимается как некий мост между русской классикой и современным этапом нашей литературы. Такое же место в литературном процессе занимает его поэзия. Она гуманна и элегична, как были гуманна и элегичны стихи А. Фета, Я. Полонского, А. К. Толстого, она близка к ним по форме, но в ней есть и явные черты литературы XX века. Та лаконичность и острота, даже жесткость определений, какими отличаются стихи Буннина, всецело принадлежит новому столетию. Никто из поэтов XIX века не окончил бы знаменитого стихотворения «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...») той скупой, уводящей внимание читателя в подтекст, строкой («Хорошо бы собаку купить»), какую написал Бунин. Никто из поэтов, не искушенных в тонкостях словесного творчества, характерных для XX века, не мог бы создать того необычайно смелого и сильного стихотворения о грозе, в котором

Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.



То же самое надо сказать об особой бунинской, до изощренности тонкой и в то же время мужественной палитре красок. Она мыслима только в XX веке, когда существовали Серов, Коровин, Кустодиев и стали широко известны французские импрессионисты. «Ни один поэт до Бунина не был таким колористом, ни один еще писатель не доходил до такого чисто живописного рельефа изображения в слове, — говорил приятель Бунина, художник-профессионал П. А. Нилус. — Краски горячих полдней, ночей, сумерек многочисленных широт щедрой и искусной рукой рассыпаны в сонетах Бунина, но хороши они и тогда, когда перо художника рисует северные картины, то мрачные, то спокойные и важные, то безнадежно печальные... Бунин, видевший великую красоту земли, начиная с русского севера и кончая Цейлоном, глубже понимает деликатную застенчивую красоту своей родины и красоту серебристого солнца нашего умеренного юга... Он обогатил метод наблюдения принципами, взятыми от живописи, создал своеобразный пейзаж, обогатил язык новыми словами, новым складом речи».

Цвет, сжатость, «сгущенность» слова, особая четкость — эти свойства стихов и прозы Бунина тяготеют именно к XX веку, к его художественным достижениям. Да и структурная ткань стихотворений Бунина, их ритмы, тон, строфика, поэтические «ходы» все же далеко ушли от прошлого столетия. В них так или иначе освоен опыт новейшей поэзии, включая символистов, как ни открепщивался ото всех носителей модерн писатель.

Но Бунин упорно боролся за точность слова, за верность краски, за естественность. «Сравнения, всяческие одушевления должны диктоваться величайшим чувством меры и такта, никогда не должны быть натянуты, пусты, «красивы» и т. п. Я почти всегда очень точно говорю то, что

говору, и до смерти буду учиться этому», — писал он в 1915 году.

Стихи Бунина — это и путешествие по земному кругу, и лицезрение годового цикла, календарь зимы, весны, лета, осени. Русский спектр, русские краски в бунинской поэзии особенно трогательны. Тут и «первый утренник, серебряный мороз», и «над озером, над заводью лесной — нарядная зеленая береза», и плачущие в небе чибисы, и «простая девка на баштане», и пахарь, ступающий босыми ногами по «лилово-синему океану чернозема». Не за эту ли любовь к родной земле, за упоение солнцем и небом, самою жизнью мы и любим поэзию Бунина? Он и сам осознавал это, сказав однажды:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

Бунинские пейзажи, жанры, натюрморты, как куски самоцветов, источают тепло жизнелюбия, внушая нам ощущение неисчерпаемой красоты мира. Даже слогал две строфы о печальном обряде панихиды на сельском кладбище («Ограда, крест, зеленая могила...»), замороженный земными красками поэт рисует благоухание и рубиновый цвет углей, разгорающихся в кадиле, звон его металлических цепей и призывает в мир «новые посевы, для новых жатв». С необычайной остротой воспринимает Бунин и торжество жизни, ее красоту, и краткость человеческого существования. Земной мир — это для Бунина «царство радостных грез», поистине «свет незакатный», как он озаглавил одно из самых проликововенных своих стихотворений. В поэзии Бунина нередко звучит и нота мужественного человеческого достоинства, противостоящего смерти, тлену и гнетущей, грозной не-

объятности космоса. Таковы, например, поздние его стихи «Почной путь», начинающиеся повелительной строкой — «Стой со сжатыми скулами», где человек и мироздание как бы поставлены лицом к лицу.

Фольклор, русская сказка, история, бедствующая под соломенистыми крышами деревни — все входило в душу поэта, все отзывалось в ней. Он по-своему страдал, глубоко сочувствовал трудовому люду, ютящемуся по темным крестьянским избам старой России, и еще двадцатилетним юношей защищал достоинство родной страны от наскоков снобов и безмозглых барчуков.

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

... Возьмем стихотворение Бункина «Вечер», написанное, по-видимому, по впечатлениям от орловской или воронежской земли, куда писатель не раз удалялся для работы на целое лето.

О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно

Слежу за ним... Мы мало видим, знаем.
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечерест, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Какой естественной проникновенностью веет от этих простых и свежих строк, словно бы подтверждающих высказанную Буниным в позднем романе мысль, что «нет никакой отдельной от нас природы, что каждое движение воздуха есть движение нашей собственной жизни». Мысль эта передается читателю очень плавно, без ухищрений и натяжек. Между тем Бунин применяет здесь форму сонета, которая нередко в силу особой своей рифмовки и расположения материала влечет за собой и напряженность и неестественность стихотворной речи. Но мы, читая бунинский «Вечер», и не замечаем того, что встретились с сонетом, чего часто нельзя сказать о сонетах Брюсова, Бальмонта или Вячеслава Иванова, почти монополизировавших форму сонета. Тут Бунин как бы выбивал из рук своих противников их же собственное оружие. Ведь именно поэты и критики круга Брюсова и Бальмонта насаждали мнение о том, что будто бы Бунин — эпигон стародавних классиков. А по существу надо сказать, что чем осведомленнее читатель в русской поэзии, тем он явственнее чувствует и осознает оригинальность Бунина-поэта. У него своя «походка», свой стиль, свой строгий выбор художественных средств; его сдержанность и строгость означала, как говорил М. Горький, лишь «большую внутреннюю силу». По свидетельству мемуариста, Бунин сказал однажды, любясь апельсинным деревом на Лазурном берегу, во Франции: «Нет, мучительно для меня

жить на свете! Всё меня мучает своей прелестью!» Эта сдержанная, непоказная страстность Бунина оттаивалась в его художественном слове как зови тугой струны.

Сам он был строгим, подтянутым, обязательным человеком, с очень искренним, прямым, даже упрямым нравом. Многим он казался чуть чопорным, надменным. В редких случаях, когда ему изменяла его обычная выдержка, он чисто по-русски вспыхивал и гневался. В компании друзей любил шутку, обладал актерскими способностями: артисты МХАТа предлагали ему поступить на сцену. Познакомившийся с Буниным на Капри украинский писатель М. Коцюбинский по первому впечатлению описывал его так: «Он довольно симпатичный, немного суховатый, вроде академика, и очень работающий». «Работать он мог очень много и долго, — рассказывает в своих «Записках писателя» друг Бунина Н. Д. Телешов, — когда гостил он у меня летом на даче, то, бывало, целыми днями, затворившись, сидит и пишет; в это время не ест, не пьет, только работает; выбежит среди дня на минутку в сад подышать и опять за работу, пока не кончит. К произведениям своим всегда относился крайне строго, мучился над ними, отделявал, вычеркивал, исправлял и вначале нередко недооценивал их». Бунин упорно работал как писатель до самого конца своей восьмидесятидвухлетней жизни. В эмиграции, во Франции, многие годы ему приходилось существовать на скудные средства, в бедности. В период фашистской оккупации Франции он буквально голодал, но крепился, долго не старел и не прекращал трудиться. Оккупировавших Францию гитлеровцев он ненавидел, от всяких контактов с ними решительно отказывался. Победу советского народа над фашистской Германией встретил с радостью и гордостью.

Это был, по выражению Константина Федина, «русский классик рубежа двух столетий», у которого учились и учатся

многие наши писатели. Высокое мастерство Бунина до конца своей жизни неизменно отмечал М. Горький. В одном из писем 1911 года он утверждал: «А лучший современный писатель — Иван Бунин, скоро это станет ясно для всех, кто искренне любит литературу и русский язык!» Несколько позднее, в 1916 году, он пишет самому Бунику: «Знали бы вы, с каким трепетом читал я «Человека из Сан-Франциско», с каким восторгом вот эти стихи. Ведь вы для меня великий поэт, первый поэт наших дней».

Реалистические стихи Бунина, в свое время как бы противостоявшие творчеству символистов и родственных им школ, обогатили нашу поэзию, придав ей еще большую многогранность. Их нельзя изъять из истории русской поэзии, не нарушив ее красоты и цельности. Эти стихи живы, они и сейчас действительны.

Во многом заблуждавшийся, страдавший, сам на себя возложивший горькое бремя эмигранта, русский писатель Бунин всем своим великолепным творчеством славил живую жизнь.

Пройдет моя весна, и этот день пройдет,
Но весело бродить и знать, что все проходит,
Меж тем как счастье жить вовеки не умрет,
Покуда над землей зоря зарю выводит
И молодая жизнь родится в свой черед.

Николай Банников





СТИХОТВОРЕНИЯ





* * *

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах свалдлася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

1889

ЦЫГАНКА

Впереди большак, подвода,
Старый нес у колеса. —
Впереди опять свобода,
Стень, простор и небеса.

Но притворница отстала,
Ловко семечки грызет.
Говорит, что в сердце жало,
Ид горячий увесет.

Говорит... А что ж играет
Яркий угольный зрпчок?
Солнцем, золотом сияет,
Но бесстрастен и далек.

Сколько юбок! Погу стройно
Облегает башмачок.
Стан струнтел беспокойно
И жемчужна смуглость щек...

Впереди большак, подвода,
Старый нес у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солице, стени, небеса.

1889



ОКТЯБРЬСКИЙ РАССВЕТ

Ночь побледнела, и месяц садится
За реку красным серпом.
Сонный туман на лугах серебрится,
Черный камыш отсырел и дымится,
Ветер шуршит камышом.

Тишь на деревне. В часовне лампада
Меркнет, устало горя.
В трепетный сумрак озябшего сада
Льется со степи волнами прохлада...
Медленно рдеет зари.

1887



* * *

Седое небо падо мной
И лес раскрытый, обилженный.
Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листе лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум!

1889



* * *

Пустынные поля, пейзажи деревень,
Синеющих вдали задумчиво-безмолвно,
Прохладный небосклон и этот серый день —
Все для меня какой-то грусти полно.

Но эта грусть меня и греет и живет,
И силу творчества как будто пробуждает,
Как будто прежнюю любовь напоминает
И про какую-то разлуку говорит...

Внимательно слежу, как золотом пестреют
В лощинах и в полях дубовые леса,
Как с каждым днем бледнеют небеса
И живья желтые и сохнут и пустеют,

И для меня вдвойне понятней и родней
Печаль и красота последних дней свободы,
Поззия немой, задумчивой природы,
Поззия пустеющих полей.

<1891>

* * *

Как все вокруг сурово, снежно,
Как этот вечер низ и хмур!
В морозной мгле краснеют окна нежно
Из деревенских нищенских конур.

Ночь северная медленно и грозно
Возносит косное пеличье свое.
Как сладко мне во мгле морозной
Мое звериное жильё!

1889



* * *

Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривою ракитой в заглушем саду. —
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде, —
Я теперь и небесах никогда не найду.

В то селенье, где шли молодые года.
В старый дом, где я нераме песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

1891





Бушует полая вода,
Шумит и глухо и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело и важно.

Дымятся черные бугры.
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытыи каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

1892



Еще от дома на дворе
 Синее утрешнее тело,
 И под навесами строгий
 Трава в холодном серебре;
 Но уж сняет яркий зной,
 Давно топор стучит в сарае,
 И голубей пугливых стаи
 Сверкают снежной белизной.

С зари кукушка за рекою
 Кукует звучно вдалеке,
 И в молодом березнике
 Грибами пахнет и листвою.
 На солнце светлая река
 Трепещет радостно, смеется,
 И гулко в раце отдастся
 Над нею ладный стук вальки.

1892



* * *

Свежеют с каждым днем и молодеют сосны,
Чернеет лес, синеет мигче даль, —
Сдастся наконец сырым ветрам февраль,
И потемнел в лощинах снег наносный.

На гумнах и в саду по-зимнему покой
Царит в затишье дедовских стросений,
Но что-то тпнет в зал, холодный и пустой,
Где пахнет сыростью весенней.

Сквозь стекла потные заклеенных дверей
Гляжу я на балкон, где снег еще навален,
И голый, мокрый сад теперь мне не печален, —
На гнезда в сучьях лип опять я жду грачей.

Жду, как в тюрьме, давно желанной воли,
Туманов мартовских, чернеющих бугров,
И света, и теплы от белых облаков,
И первых жаворонков в поле!

1892



Неуловимый свет разлился над землею,
Над кровлями безмолвного села.
Отчетливей кричат перед зарею
Далеко на степи перепела.

Нет ни души кругом — ни звука, ни тревоги...
Спят безмятежным сном зеленые овсы...
Находясь, кобчик спит на кочке у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...

Но уж светлеет даль... Зелено-серебристый,
Неуловимый свет восходит над землей,
И белый пар лугов, холодный и душистый,
Как финнам, плывет перед зарей.

1894



* * *

Могилы, встряки, дороги и курганы —
Все смерклося, отошло и скрылося из глаз.
За дальней их чертой погас закат руминный,
Но точно ждет чего вечерний тихий час.

И вот идет она, Стенная Ночь, с востока...
За нею синий мрак над нивами встает...
На меркнувший закат, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлебов идет.

И медлит на межах, и слушает молчанье...
Глядит вослед зари, где в призрачной дали
Еще мерещатся колосья очертанья
И слабо брезжит свет над сумраком земли.

И полон взор ее, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вековой
О том, что ведают лишь темные могилы,
Стень молчаливая да звезд узор живой.

1894

К О В Ы Л Ь

(Отрывок)

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синее,
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да тень от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!

...Безмолвно степь. Один кавыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

1894

* * *

Скачет пристяжнил, снегом обдаст...
Сонный зимний ветер надо мной поет,
В полусне волнуясь, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит.

Эй, проснись, ветер! Подыми пургу,
Задымись метелью белою в лугу,
Загуди поземкой, закружись в степи,
Крикни вместо песни: «Постыдись, не спи!»

Безотраден путь мой! каждый божий день —
Глушь лесов да холод-голод деревень...
Стыдно мне и больно... Только стыд-то мой
Слишком скоро гаснет в тишине немай!

Сонный зимний ветер надо мной поет,
Усыпляет песней, волн не дает,
Путь заносит снегом, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит...

1897

НА ХУТОРЕ

Свечи нагорели, долг зимний вечер...
Сел ты на лежанку, поднял тихий взгляд —
И звучит гитара удалю печальной
Песне беззаботной, старой песне в лад.

«Где ты закатилось, счастье золотое?
Кто тебя развеял по чистым полям?
Не взойти над степью солнышку с заката,
Нет пути-дороги к невозвратным дням!»

Свечи нагорели, долг зимний вечер...
Брови ты приподнял, грустен тихий взгляд...
Не судья тебе я за грехи бывшего!
Не веротишь жизни прожитой назад!

1897

* * *

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке — все твоё бытие,
И всю тебя чувствую — душу и тело.

Что надо еще? Возможно ль блаженнее быть?
Но ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертною страстью губить,
Уж мчится над нами!

1898



* * *

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала — луна сияла
В ее окно, — и одеда
Светился спущенный атлас.

Она лежала на спине,
Пагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

1898



* * *

Все лес и лес. А день темнеет;
Пизы синеют, и трава
Седой росой в лугах белеет...
Проснулась серая сова.

На запад сосны вереницей
Идут, как рать сторожевых,
И солище мутное Жар-Птицей
Горит в их дебрях нековых.

1899





* * *

Нет солнца, но светлы пруды,
Стоят зеркалами литыми,
И чаша недвижной воды
Совсем бы казались пустыми,
Но в них отразились сады.

Вот капля, как иголка гвоздя,
Упала — и, сотнями игол
Затопы прудов бороздя,
Сверклящий ливень запрыгал —
И сад зашумел от дождя.

И ветер, играя листвою,
Смешал молодые березки,
И солнечный луч, как живой,
Зажег задрожавшие блестки,
А лужи налил синевой.

Вон радуга... Весело жить
И весело думать о небе,
О солнце, о зреющем хлебе,
И счастьем простым дорожить:

С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете.

1900





Л И С Т О П А Д

(О т р ы в к и)

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь, в листве сквозной,
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.

Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылек
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мертвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной долиной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льет;
Играл, в небе промелькист
Скворцов рассыпанная стая —
И снова все кругом замрет.

...Трубят рога в полях далеких;
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо вост рог туринный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льет дождь, холодный, точно лед,
Кружатся листья по полянам,

И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет.
По дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре.
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в горностаеком шугас,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.

...Прости же, лес! Прости, прощай.
День будет ласковый, хороший.
И скоро мягкой порошей
Засеребрится мертвый край.
Как будут стражны в этот белый,
Пустынный и холодный день
И бор, и терем опустелый,
И крыши тихих деревень,
И небеса, и без границы
В них уходящие поля!
Как будут рады соболя
И горностан и кушцы,
Резвясь и греясь на бегу
В сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный илис шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
И завывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом остове пустом

Повесят иныи сквозные,
И будут в небе голубом
Снять чертоги ледяные
И хрусталем и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Войдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится ножар,
Расцвет Полярного Сиянья!

1900



* * *

Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.

Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

1901

В ОТЪЕЗЖЕМ ПОЛЕ

Сумрак ночи к западу уходит.
Серой мглой над черной пашней бродит.
По бурьянам стелется к земле...
Звезды стали тусклы и далеки,
Небеса — туманны и глубоки,
Но восток уж виден в полумгле.

Лошади продрогли. Север дышит
Ветром ночи и полынь колышет...
Вот и утро! — В колесах дорог
Грязь чернеет, лужи заалели...
Томно псы голодные запели...
Встань, труби в холодный, звонкий рог!

Старых предков я наследье чую.
Зверем в поле осенью почую,
На заре добычи жду... Скучна
Жизнь моя, расцветшая в неволе,
И хочу я слено в диком поле
Силу страсти вычерпать до дна!

1900

* * *

Любил он ночи темные в шатре,
Степных кобыл залихватое ржанье,
И перед битвой волчье завывание,
И коршунов на сумрачном бугре.

Страсть буйной мощи силясь утолить,
Он за врагом скакал, как неступленный,
Чтоб дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрелою скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган — и темный ветер ночи
Дождем холодных слез его кропил.

Прошли века, но слава древней были
Жила в веках... Нет смерти для того,
Кто любит жизнь, и песни сохранили
Далекое наследие его.

Они поют печаль воспоминаний,
Они бессмертье прошлого поют
И жизни, отошедшей в мир преданий,
Свой братский зов и голос подают.

1901

КУСТАРНИК

Жесткой, черной листвой шалестит и трепещет кустарник.
Точно и снежную даль убегает в испуге.
В белом поле стога, косогор и забытый овчарник
Тонут в белом дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный ветер кружит и несет в небе порона боком,
Конский след на бегу порошит-заметает...
Вон прохожий вдали. Истомлен на пути одиноком,
Мертвым шагом он мерно и туго шагает.

«Добрый путь, человек! Далеко ль до села, до ночлега?»
Он не слышит, идет, только голову клонит...
А куда и спешить против холода, ветра и снега?
Родилась мы и снегу, — вьюга нас и схоронит.

Занесет равнодушно, как стог, как забытый овчарник...
Хорошо ей у нас на просторе великом!
Бесприютная жизнь, одинокий под бурей кустарник,
Не тебе одолеть в поле темном и диком!

1901



ВЕСНЯНКА

(Отрывок)

Перед грозой, в Петровки, жаркой ночью.
Среди лесного рванота и шума,
Слешил я, спотыкаясь на коряги
И путаясь меж слок, за Веснянкой.
Она неслась стрелой среди деревьев
И, белая, мелькала в темноте,
Когда зарницу ветром раздувало,
А у меня уж заперлись уста
И сердце трепетало, точно голубь.
«Постой!» — хотел я крикнуть — и не мог.

Мы долго с ней бежали по болоту,
Вдоль озера, вдоль отмели, заросшей
Купавами, травой и камышами.
И наконец я выбился из сил.

Хочу сказать: «Остановись, не бойся!» —
Она на миг оглянется — и в путь!
А между тем поднялся ветер,
Деревья недовольно зароптали,
Задвигали мохнатой хвоей ели,
И звезды замелькали из-за них.
Кричу за ней: «Остановись, послушай!
И все равно до света не отстану,
Ты напрасну мучишься...» Не слышит!

Вдруг молния всю чащу озарила
Таинственным и бледно-синим светом...
«Стой! — крикнул я. — Лишь слово! Я не трону...»
(Она остановилась на мгновение.)
«Ответь, — вскричал я, — кто ты? И зачем
Ты здесь со мной встречалась вечерами,
Ждала меня над заводью темневшей,
Где сумрачно и тускло рдели воды?
Зачем со мной ты слушала, грусти,
Далеких песен радость молодую?
Зачем потом, когда они смолкали
И только комары звенели сонно
Да нежно пахло сонною водой,
Ты разбирала ласково мне кудри,
А я глядел с твоих колен в глаза?
Зачем по тьме, когда из тихой рощи
Гремели соловьи, ты наклонилась
К моей щеке горячею щекой
И целовала сладко, осторожно,
А после все томительней и крепче?
Скажи, зачем?...» Она лицо руками
Закрывая вдруг и кинулась вперед.

И долго мы, как звери за добычей,
Опять бежали в роще. Шумный липень
По темным чащам с громом бушевал,
Даль раскрывали молнии, и ярко
Белело платье девичье... Но вдруг
Оно исчезло, точно провалилось.
Я выскочил с разбега на опушку,
Упал в овес, запутанный и мокрый,
И зарыдал, забился...

1901





* * *

Облака, как призраки развалии,
Встали на заре из-за долии.
Теплый вечер темен и печален,
В темном доме я совсем один.

Слабым звоном люстры отмечает
На шаги по комнате пустой...
А вдали заря зарю встречает,
Ночь зовет бессмертной красотой.

1901

* * *

Перед закатом набежало
Над лесом облако — и вдруг
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокруг.

Стеклянный, редкий и ядреный,
С веселым шорохом снесла,
Промчался дождь, и лес зеленый
Затих, прохладою дыша.

Вот день! Уж это не впервые:
Прольется — и уйдет из глаз...
Как эти ливни золотые,
Пугая, радовали нас!

Едва лишь добежим до чащи —
Все стихнет... О, росистый куст!
О, взор счастливый и блестящий
И холодок покорных уст!

1902



* * *

Крест в долине при дороге,
А на нем, на ржавых копьях
У подножия расцвела,
Из степных цветов венок...
Как был ясен южный вечер!
Как любил я вечерами
Уходить в простор долины,
К одинокому кресту!

Тяжело в те дни мне было.
Я был молод, я навеки
С тем, кому я отдал душу,
Расставался в эти дни.
Чья же грусть мою смиряла?
Кто, задумчивый и кроткий,
Сиял в долине при дороге
Из степных цветов венок?

За широкою долиной,
В балках, даль полей синела,
Южный августовский вечер
Был спокоен, тих и ясен,
А в долине кто-то шел.
И звала меня, томила
Даль полей, что поздним летом
Так прекрасна и бесстрашна,
Так безлюдна и грустна.

1902





СЕВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Над озером, над заводью лесной —
Нарядная зеленая береза...
«О девушки! Как холодно весной:
Я вся дрожу от востра и мороза!»

То дождь, то град, то снег, как белый пух.
То солнце, блеск, лазурь и водопады...
«О девушки! Как весел лес и луг!
Как радостны весенние наряды!»

Опять, опять нахмурилось, — опять
Мелькает снег и бор гудит сурово...
«Я вся дрожу. Но только б не измять
Зеленых лент! Ведь солнце будет снова».

1903

На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стеклах — небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Белым снегом все занушено.

И все утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине.
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моем окне.

1903



* * *

Первый утренник, серебряный мороз!
Тишина и звонкий холод на заре.
Свежим глянцем зеленеет след колес
На серебряном просторе, на дворе.

Я в холодный обнаженный сад пойду —
Весь рассеян по земле его наряд.
Бирюзой сияет небо, а в саду
Красным пламенем настурции горят.

Первый утренник — предвестник зимних дней.
На сияет небо ярче с высоты,
Сердце стало и трезвей и холодней.
Но как пламя рдеют поздние цветы.

1903



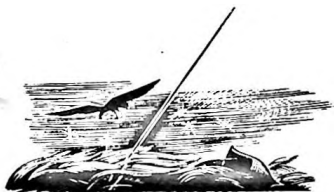
ПОСЛЕ БИТВЫ

Воткнув копье, он сбросил шлем и лег.
Курган был жесткий, пыбитый. Кольчуга
Колола грудь, а египту полдень жег...
Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл.
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травюю.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг молчало,
И далеко среди полей нагих
Копье, в курган воткнутое, торчало.

1903

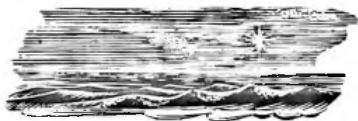


* * *

Зеленый цвет морской воды
Сквозит в стеклянном небосклоне.
Алмаз предутренней звезды
Блестит в его прозрачном лоне.

И, как ребенок после сна,
Дрожит звезда в огне денницы,
А ветер дует ей в ресницы.
Чтоб не закрыла их она.

1901



* * *

Старик у хаты всеял, подкидывал лопату.
Как раз к салтому Снасу покончив с молотьбой.
Старуха в черной плахте белила мелом хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розоное, в стенную пыль садилось —
И тени ног столбами ложились на гумно,
А хата молодеца — зарделась, застыдилась —
И празднично блестело протертое окно.

1903



• • •

Уж подсыхает хмель на тыне.
За хуторами, на бахчах,
В нежарких солнечных лучах
Краснеют бронзовые дыни.

Уж хлеб срезан, и вдалеке,
Над старою степною хатой,
Сперкиет золотой заплатай
Крыло на сером петрыке.

1903





РАЗВАЛИНЫ

Над синим понтом — серые руины,
Остатки древней греческой тюрьмы.
На юг — морские зыбкие равнины,
На север — голые холмы.

В проломах стен — корявые оливы
И дереза, сопутница руин,
А под стенами — красные обрывы
И волн густой аквариум.

Угрюмо здесь, в сырых подземных желях;
Но несело тревожить сон темниц,
Перекликаться с эхом в подземельях
И видеть небо из бойниц!

Давно октябрь, но не уходит лето:
Уж на холмах желтеет шелк травы.
Но воздух чист — и сколько в небе света,
А в море нежной синевы!

И тихи, тихи старые руины.
И целый день, под мерный шум валов,
Слежу я в море парус бригашины,
А в небесах — круги орлов.

И усыпляет моря шум атласный.
И кажется, что в мире жизни нет:
Есть только блеск, лазурь и воздух ясный,
Простор, молчание и свет.

<1903—1904>



С И В А Ш

Багряная печальная луна
Висит вдали, но степь еще темна,
Луна во тьму свой теплый отблеск сеет,
И над болотом красный сумрак реет.
Уж поздно — и какая тишина!

Мне кажется, луна оцепенеет:
Она как будто выросла со дня
И допотопной лилией краснеет.

Но меркнут звезды. Даль озарена.
Равнина вод на горизонте млеет,
И в ней луна столбом отражена.
Склонив лицо прозрачное, светлеет
И грустно в воду смотрителю она.

Пост комар. Теплом и гнилью вест.

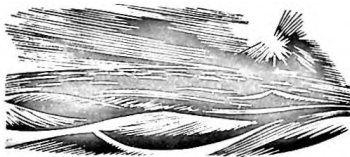
1902

* * *

Норд-остом жгут пылающие зори.
Острой горит Вечерняя звезда.
Зеленое изволнованное море
Еще огромней, чем всегда.

Знает в огне, звезда дрожит алмазом.
Нет, рыбки поротятел не все!
Ледяно-белым, страшным глазом
Манк сверкает на косе.

1903



• • •

Обрыв Яйлы. Как руки фурий,
Торчит над бездною из скал
Колочий, искривленный бурей,
Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орленок
Шинит в гнезде, как василек,
Завидев за морем споронок
В тумане сизом красный диск.

1903



* * *

На поднебесном утесе, где бури
Свищут в слепящей лазури, —
Дикий, зловонный орлиный приют.

Пью, как студеную воду,
Горию бурю, свободу,
Вечность, летящую тут.

Крым, 1889





ОДИНОЧЕСТВО

И ветер, и дождик, и мгла
Пад холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сиды.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
По тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер невестного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Прожишу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вслед:
«Воротись, и сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камни затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку кунить.

<1903>





ЗАПУСТЕНИЕ

Домой я шел по скату вдоль Оки,
По перелескам, берегом нагорным,
Любуюсь сталью вьющейся реки
И горизонтом низким и просторным.
Был теплый, тихий, serene денек,
Среди берез желтел осенник редкий,
И даль лугов за их прозрачной сеткой
Снилась чуть заметно — как намек.
Уже давно в лесу замолкли птицы,
Свиистели и шуршали лишь синицы.

Я уставал, кругом все лес пестрел,
Но вот на перевале, за лощиной,
Фруктовый сад листвою закрепел,
И глянул флигель серою руиной.

Глеб отворил мне двери на балкон,
Поговорил со мною в позе чинной.
Принес мне самовар — и по гостинной
Полился нежный и печальный стон.
Я в кресло сел, к окну, и, отдыхая,
Следил, как замолкал он, потухая.

В тиши заснел он чистым серебром,
А я глядел на клены у балкона,
На вишеники, красневший под бугром...
Вдали синели тучки небосклона,
И умирал спокойный серый день,
Меж тем как в доме, тихом как могилы,
Песлышно одиночество бродило
И реяла задумчивая тень.
Сел самовар, а комната беззвучно
Мне говорила: «Пусто, брат, и скучно!»

В соломе, возле печки, на полу,
Лежала груда яблок; паутины
Под образом качались в углу.
А у стены темнели клавишины.
Я тронул их — и горестно в тиши
Раздался звук. Дрожащий, романтичный,
Он жалок был, но я душой привычной
В нем уловил напев родной души:
На этот лад, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки певали.

Чтоб мрак спугнуть, я две свечи зажег,
И весело огни их заблестели.

И побежали тени в потолок.
А стекла окон сразу поспели...
По отчего мой домик при огне
Стал и бедней и меньше? О, я знаю —
Он слишком стар... Пора родному краю
Сменить хозяев в нашей стороне.
Нам жутко здесь. Мы все в тоске, в тревоге...
Пора свести последние итоги.

Печален долгий вечер в октябре!
Любил я осень позднюю в Рогени.
Любил лесок багряный на горе,
Простор полей и сумерки глухие,
Любил стальную, серую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
В дали лугов, широкой и пустынной,
Мне навевала русскую тоску...
По дни идут, накупило несчастье —
И сердце жаждет блеска дня и счастья.

Томит меня немая тишина.
Томит гнезда родного запустенье.
Я вырос здесь. Но смотрит из окна
Заглохший сад. Над домом реет тленье.
И скупо в нем мерцает огонек.
Уж свечи нагорели и темнеют.
И комнаты в молчаньи цепенеют.
А ночь долга и новый день далек.
Часы стучат, и старый дом беззвучно
Мне говорит: «Да, без хозяев скучно!»

Мне на покой давно, давно пора...
Поля, леса — все гложет без заботы...
Я жду веселых звуков топора,
Жду разрушения дераэстной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе,
Вновь расцвела из праха на могиле,
Я изнемог, и мертвый стук часов
В молчании осенней долгой ночи
Мне самому вичимать нет больше мочи!»

< 1903 >





САПСАН

В полях, далёко от усадьбы,
Зимует просяной омет.
Там табунятся волчьи свадьбы,
Там клочья шерсти и помет.
Воловьёв ребра у дороги
Торчат в снегу — и спал на них
Сапсан, стервятник космогоний,
Готовый взвиться каждый миг.

Я застрелил его. А это
Грозит бедой. И вот ко мне
Стал гость ходить. Он до рассвета
Вкруг дома бродит при луне.

Я не видал его. Я слышал
Лишь хруст шагов. Но спать невмочь.
На третью ночь я в поле вышел...
О, как была печальна ночь!

Когтистый след в снегу глубоком
В глухие стены шел с гула.
На небе мглистом и высоком
Плыла холодная луна.
За валом, за припадой в яме,
Серо молчала встала.
Даль над пустынными полями
Была таинственно светла.

Облитый этим странным светом,
Подавлен мертвой тишиной,
Я стал — и бледным сплутом
Ушла тень моя за мной.
По небесам, в туманной мути,
Сиял, лунный лик нырял
И серебристым блеском ртутн
Слуду по носту озарял.

Кто был он, этот полумночный
Незримый гость? Откуда он
Ко мне приходит в час урочный
Через сугробы на балкон?
Иль он узнал, что я тоскую,
Что я один? что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядит из сада при луне?

Быть может, он сегодня слышал,
Как я, покинув кабинет,
По темной спальне в залу вышел,
Где в сумраке мерцал паркет,
Где в окнах небеса синели,
А в этой сини четко встал
Черно-зеленый конус ели
И острый Сириус блистал?

Теперь луна была в зените,
На небе плыл густой туман...
Я ждал его, — я шел к ракете
По насту снеговых полей,
И если б враг мой от приклады
Внезапно прынул на сугроб, —
Я б из винтовки без помехи
Пробил его широкий лоб.

Но он не шел. Луна скрывалась,
Луна сияла сквозь туман,
Бежала мгла... И мне казалось,
Что на снегу сидит Снежин,
Морозный иней, как алмазы,
Сверкал на нем, а он дремал,
Седой, лобастый, круглоглазый,
И в крылья голову вжимал.

И был он страшен, непонятен,
Таинственен, как этот бег
Туманной мглы и светлых пятен,
Порою озарявших снег, —

Как воплотившаяся сила
Той Воли, что в полночный час
Нас страхом всех соединила —
И сделала врагами нас.

1905



* * *

Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном;
В черном узоре ветвей — месяца рог золотой.

Слышу: поют петухи. Узнаю по плавам печальным
Поздний, тишиственный час. Выйду на снег, на крыльцо.

Замерло все и застыло, лучатся жестокие звезды,
Но до костей я готов в легком промерзнуть меху,

Только бы видеть тебя, умирающий в золоте месяц,
Золотом блещущий снег, легкие тени берез

И самоцветы небес: янтарно-зеленый Юпитер,
Сириус, дерзкий сапфир, синим горящий огнем,

Альдебаран рубин, алмазную цепь Орiona
И уходящий в моря призрак серебристый — Арго.

1905

* * *

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинков
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и нетки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной
Он красоту от смерти уносил!

1905

РУССКАЯ ВЕСНА

Скучно в лощинах березам,
Туманная муть на полях,
Конским размокшим навозом
В тумане чернеется шлях.

В сонной степной деревушке
Пахучие хлеба пекут.
Медленно две побирušки
По деревушке бредут.

Там, среди улицы, лужи,
Зола и весенняя грязь,
В избах угар, а снаружи
Завалинки тлеют, дымясь.

Жмурясь, сидит у амбара
Опчарка на ржавой цепи.
В избах — темно от угара,
Туманно и тихо — в степи.

Только петух беззаботно
Весну поспевает весь день.
В поле тепло и дремотно,
А в сердце счастливая лень.

1905

ЧИБИСЫ

Заплакали чибисы, тонко и ярко
Весенний спетится ешь,
Обаяла дорога, где солнце — там жарко,
Серее и сохнет полынь.

На серых полях — голубые озера,
На пашнях — липовая гризь.
И чибисы плачут — от света, простора,
От счастья — плакать, сменсь.

1906





ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шелк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но как тепла, как солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

< 1903 — 1906 >

* * *

В лесу, в горе родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

1905



РЕЧКА

Светло, легко и своенравно
Она блестит среди болот
И к старым мельницам так плавно
Несет стекло весенних вод.

Несет — и знать себе не хочет,
Что там, над омутом в лесу,
Безумно Водяной грохочет,
Стремглав летя по колесу. —

Нылит на мельницах помолот,
Трещит и жернов и привод —
И, падап, в бреду тяжелом
Кружит седой подпорот.

<1903—1906>



ПАХАРЬ

Легко и бледно небо голубое,
Поля в весенней дымке. Влажный пар
Взрезаю я — и лезут на подвои
Плоскосты земли, бесценный божий дар.

По борозде снежа за сошниками,
Я остивляю мягкие следы —
Так хорошо рванутыми ногами
Ступать на бархат тендой борозды!

В лилово-синем море чернозема
Затерян я. И далеко за мной,
Где тусклый блеск лежит на кровле дома,
Струится первый зной.

<1903—1906>



ПЕСНЯ

Я — простая девка на бантане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худя.
Утонет белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дожусь — с бантана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

<1903 — 1906>





* * *

Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп, — прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвевля на мгновенье,
Но на лице и в ярком свете глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила — и забыла.

1905

Д О Н Н И К

Брат, в запыленных саниогах,
Швырнул ко мне на подоконник
Цветок, растущий на парах,
Цветок засухи — желтый донник.

Я встал от книг и в стень пошел...
Ну да, все поле — золотое,
И отовсюду точки пчел
Плывут в сухом вечернем зное.

Толчется сеткой мошкара,
Шафранный свет над полем реет —
И, значит, завтра вновь жара
И вновь сушьмень. А хлеб уж зреет.

Да, зреет и грозит нуждой,
Быть может, голодом... И все же
Мне этот донник золотой
На миг всего, всего дороже!

< 1903—1906 >



Огромный, красный, старый пароход
У мола стал, пернувшись из Сиднея.
Белеет мол, и, радостно сияя,
Безоблачный сияет небосвод.

В тиши, в тепле, на солнце, в изумрудной
Сквозной воде, склонись на левый борт,
Гигант уснул. И спит нахучий порт,
Спят грузчики. Белеет мол безлюдный.

В воде прозрачной виден узкий киль,
Весь в ракушках. Их слой зелено-ржавый
Нарос давно... У Суматры, у Явы,
В Великом океане... в зной и штиль.

Мальчишка негр в турецкой грязной феске
Висит в бадье, по борту, красит бак —
И от воды на свежий красный лак
Зеркальные восходят арабески.

И лак блестит под черною рукой,
Слепит глаза... И мальчик-обезьяна
Сквозь сон поет... Простой напев Судана
Звучит в тиши всем чуждою тоской.

1906



СТАМБУЛ

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами —
Потомки тех, кто из стеней пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славы и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады. Царьград.
И предался, как сытый лев, покою.

Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.

И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!

1905

ГРОБНИЦА САФИИ

Горный ключ по скатам и оврагам,
Полусонный, убегает вниз.
Как чернец, над белым саркофагом
В синем небе замер кипарис.

Нежные, как девушки, мимозы
Льют над ним узор своих ветвей,
И цветут, благоухают розы
На кустах, где плачет соловей.

Ниже — дикий берег и туманный,
Еще уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безграницный,
Голубая бездна — Геллеспонт.

Мир тебе, о юная! Смирению
Я целую белое тюрьбо:
Пить веком бессмертна и нетленна
На Востоке память о тебе.

Счастлива тот, кто жизнью мир пленит.
Но стократ счастливей тот, чей прах
Веру в жизнь бессмертную вселяет
И цветет легендами в веках!

< 1903 — 1905 >



ОКЕАНИДЫ

В полдневный зной, когда на щебенъ,
На валуны прибрежных скал,
Кипит, встает за гребнем гребень,
Крутись, идет за валом вал, —

Когда нагиб прибой блещет
Зеркально-вогнутой грядой
И в нем сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой, —

Как весел ты, о буйный хохот,
Звонкий смех Океанид,
Под этот влажный шум и грохот
Летящих в пене на гранит!

Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!

<1903—1905>



В МОСКВЕ

Здесь, в старых переулках за Арбатом,
Совсем особый город... Вот и март.
И холодно и низко в мезонине,
Немало крыс, но по почам — чудесно.
Днем — ростепель, капли, греет солнце,
А ночью подморозит, станет чисто,
Светло — и так похоже на Москву,
Старинную, далекую. Уеядусь,
Огня не зажигая, возле окон,
Облитых лунным светом, и смотрю
На сад, на звезды редкие... Как нежно
Весной ночное небо! Как спокойна
Луна весною! Теплятся, как свечи,
Кресты на древней церковке. Сквозь ветви
В глубоком небе ласково сияют,
Как золотые кованые шлемы,
Головки мелких куполов...

<1906>

ВАЛЬС

Похолодели лепсетки
Раскрытых губ, по-детски влажных —
И зал плывет, плывет в протяжных
Напевах счастья и тоски.

Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный —
И вест, вест вест ветер балльный
Теплом душистых опахал.

1906





П Р И С В Е Ч Е

Голубое основание,
Золотое острие...
Вспоминаю зимний вечер,
Детство раннее мое.

Заслонив свечу рукою,
Снова вижу, как по мне
Жизнь рубиновой кровью
Нежно светит на огне.

Голубое основание,
Золотое острие...
Сердцем помню только детство:
Все другое — не мое.

1906

* * *

Ограда, крест, зеленая могила,
Роса, простор и тишина полей...
— Благоухай, звенящее кадило,
Дыханием рубиновых углей!

Сегодня год. Последние напевы.
Последний вздох, последний фимиам...
— Цветите, зрейте, новые посевы,
Для новых жатв! Придет черед и вам.

1906



* * *

Растет, растет могильная трава,
Зеленая, веселая, живая,
Омыла плиты влага дождевая
И мох покрыл ненужные слова.

По вечерам заплакала сова,
К моей душе забывчивой взывая,
И старый склеп, руина гробовая,
Таит укор... Но ты, земля, права!

Как нежны на алеющем закате
Кремль далеких синих облаков!
Как вырезаны крылья ветряков
За темною долиною на скате!

Земля, земля! Весенний сладкий зов!
Ужель есть счастье даже и в утрате?

1906

ДЯДЬКА

За окнами — снега, степиля гладь и ширь.
На переплетах рам — следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как снежился снегирь
От стужи за окном. — Но вот слуга. Шаги.

По комнатам идет седой костлявый дед,
Несет вечерний чай: «Опять глядишь в углы?
Небось, все писем ждешь, депеш да эстафет?
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве — балы».

Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...
— Да нет, старик, я так... Сыграем в дурачки,
Пораньше ляжем спать... Каких уж там депеш!

<1906>





С ОБЕЗЬЯНОЙ

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешило поднявши зад.

И детское и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган.
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре —
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А поп кюек: большой стакан воды
Дает с темною улыбкою еврейка...
Но путь далек.. Сады, сады, сады...

Зверок устал, — взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенный стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!

< 1906 — 1907 >

БАЛАГУЛА

Балагула убегает и трясет меня.
Рыжий Айзик правит парой и сосет тютюн.
Алый мак во ржи мелькает — лепестки огня.
Золотятся, льются нити телеграфных струн.

«Айзик, Айзик, вы заснули!» — «Хл! А разве пан
Едет в город с интересом? Пан — поэт, артист!»
Правда, правда. Что мне этот грязный Аккерман?
Стень привольна, день прохладен, воздух сух и чист.

Был я сыном, братом, другом, мужем и отцом.
Был в довольстве... Все племарку! Все не то, не то!
Заплачу за путь венчальным золотым кольцом.
А потом... Потом в таверну: вывезет лото!

<1906—1907>





ГОРЕ

Меркнет свет в небесах.
Скачет князь мелколесьем, по топям, где сохнет осока.
Реют сумерки в черных еловых лесах,
А по елкам мелькает, сверкает — сорока.

Станет князь, поглядит:
Нет сороки! Но сердце недоброе чует.
Снова скачет — и снова сорока летит,
Перелесьем кочует.

Болен сын... Верно, хуже ему...
Погубили дитя переходные старцы кляники!
Ночь подходит... И что-то теперь в терему?
Скачет князь — и все слышит он женские крики.

А в лесу все темней,
А уж конь устает... Поспешай, — недалеко!
Вон и терем... Но что это? Сколько огней!
— Нагадава сорока.

<1903—1906>



ПЕСНЯ

Зацвела на поле
В поле бирюза.
Да не смотрят в душу
Милые глаза.

Помню, помню нежный,
Безмятежный леп.
Да далеко где-то
Зацветает он.

Помню, помню чистый
И лучистый взгляд.
Да поднять ресницы
Люди не ведают.

<1906 — 1909>

Там иволга, как флейта, распевала,
Там утреннее солнце пригревало
Труд муравьев — живые бугорки.
И вдруг негая легкая собака,
Тропинкой добежав до буграка,
Залаяла. И быстро взнес курки.

Змея? Барсук? — Плетенка с косянником.
А на березе девочка — и дикий
Испуг в лице и глазах: над ручьем
Дугой береза белая склонилась —
И вот она некрабикалась, схватила
За ствол и закачалась на нем.

Посвешенно повернулся и, воспешно
Пашел пашад... Младенчески-безгрешно
И радостно откликнулась душа
На этот ужас милый... Все истрела
Березовый роща, флейта несл —
И жизнь была чудесно хороша.

1907



КОШКА

Кошка в крапине за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.

Стол обращен к образам — позабыли,
Стол как стоял, так остался. В углу
Каплями воск затвердел на полу —
Это горевшие свечи оплыли.

Помнишь? Лежит старичок-холостяк:
Кротко закрыты ресницы — и кротко
В черненький галстук воткнулась борода...
Свечи пылают, дрожит нависающий мрак...

Темен теперь этот дом по ночам.
Кошка приходит и светит глазами.
Угол мерцает во тьме образами.
Ветер шумит по печам.

1907

НА ПЛЮЩИХЕ

Пол навощен, блестит паркетом.
Столовая озарена
Полуденным горячим светом.
Спит кот на солнце у окна:

Мурлыкает и томно щурит
Янтарь зрачков, как леопард.
А бабушка — в качалке, курит
И думает: «Итак, уж март!

А там и праздники, и лето,
И снова осень...» Вдруг в окно
Влетело что-то, вдоль буфета
Мелькнуло светлое пятно,

Зажглось, блеснув, в паркетном воске —
И вновь исчезло... Что за шут?
А! это улицей подростки,
Как солнце, зеркало несут.

И снова думы: «Оглянуться
Не успеваешь — года нет...»
А в окна, сквозь гардины, льются
Столбы лучей, горячий свет,

И дым, ленивою куделью
Сливаясь с светлой полосой,
Синеет, тает... как ва елью
В далекой просеке, весной.

<1906—1907>

НОВЫЙ ХРАМ

По алтарям, пустым и белым,
Весенний ветер дул на нас,
И кто-то сверху канал мелом
На золотой иконостас.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

И часто, вместе с малярами,
Там пели песни. И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,
Мы написали неспроста.

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит он
Порог на солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

1907

И П Е Л

Леса в жемчужном инее. Морозно.
Пост из телеграфного столба
То весело, то жилось, то грозно
Звонящим гулом темная судьба.

Молчит и внемлет белая долина.
И все победней, ярче и пышней
Горит, дрожит и блещет хвост павлина
Стоцветными алмазами над ней.

1907



Ч У Ж А Я

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

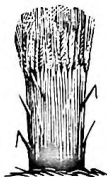
Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила —
Он не видел лица.

Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?
Сколько в каждом движении
Простоты, красоты!

Будут снова измены...
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.

Ты и скрыть не умешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

<1903—1906>



ПУСТОШЬ

Мир вам, в земле почившие! — За садом
Погост рабов, погост дворовых наших:
Две десятины пустоши, полкистой
От бугорков могильных. Ни креста,
Ни деревца. Местами уцелели
Лишь каменные плиты, да и то
Изъеденные временем, как оспой...
Теперь их скоро выберут — и будут
Выпахивать то перистые кости,
То суздальские черные иконки...

Мир вам, давно забытые! — Кто знает
Их имена простые? Жили — в страхе,
В неизвестности — почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабьин плач — и снова
Шли дни труда, покорности и страха...

Теперь от этой жизни уцелели
Лишь каменные плиты. А пройдет
Железный плуг — и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряют...

Мир вам, неотожненные! — Свидетель
Великого и подлого, бессильный
Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней,
Я, чье чело отмечено навеки
Клеймом раба, невольника, холопа,
Я говорю почившим: «Сните, сните!
Не вы одни страдали: внуки наших
Владык и повелителей пелили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!»

1907





Х У Д О Ж Н И К

Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опущена косица,
Нога — как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

Он, улыбаясь, думает о том.
Как будут выносить его — как сны
На жарком солнце траурные ризы.
Как желт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадилом сходит толстый поп,
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защелкает, взвывается от забора —
И ну плясать и стучать клювом в гроб!»

В груди першит. С шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхля:
«Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль».

1908



* * *

В полях сухие стебли кукурузы.
Следы колес и блестяя ботва.
В холодном море — бледные медузы
И красная подводная трава.

Поля и осень. Море и нагие
Обрывы скал. Вот ночь, и мы идем
На темный берег. В море — летаргия
Во всем великом таинстве своем.

«Ты видишь воду?» — «Вижу только ртутный
Туманный блеск...» Ни неба, ни земли.
Лишь звездный блеск висит под нами — в мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

<1908>



В АРХИПЕЛАГЕ

Осенний день в лиловой крупной змби
Блистал, как медь. Зол и Посейдон
Вели в снастях певучий долгий стон,
И наш корабль нырял подобно рыбе.

Вдали был мыс. Высоко на изгибе,
Сквозя, вставал неровный ряд колонн.
По песня рей меня клонила в сон —
Корабль нырял в лиловой крупной змби.

Не все ль равно, что это старый храм,
Что на мысу — забытый портик Феба!
Запомнил я лишь ряд колонн да небо,

Дым облаков курился на горам,
Пустынный мыс был схож с ковригой хлеба.
Я жил во сне. Богов творил я сам.

1908



БОГ ПОЛДНЯ

Я черных коз пасла с меньшей сестрой
Меж красивых скал, колючих трав и глины.
Залив был синь. И камни, грея спины,
На жарком солнце спали под горой.

Я прилегла в сухую тень маслины
С коривой серебристою корой —
И Он сошел, как мух звенящий рой.
Как сеть сквозной горячей паутины.

Он озарил мне ноги. Обнажил
Их до колен. На серебре рубашки
Горел огнем. И навзничь положил.

Его объятья сладостны и тяжки.
Он мне сосцы загаром окружил
И научил варить настой ромашки.

1908

КАРАВАН

Звон на верблюдах, ровный, полусонный,
Звон бубенцов подобен роднику:
Течет, течет струєю отдаленной,
Баюкая дорожную тоску.

Давно затих базар неугомонный.
Луна меж пальм сияет по песку.
Под этот звон, глухой и однотонный,
Вожак прилег на жесткую луку.

Вот потянуло ветром, и свежее
Вдохнула ночь... Как сладко спать в седле.
Склоняясь лицом к верблюжьей теплой шее!

Луна злила. Поет нетух в Рамле.
И млечной сипью горы Иудей
Свой зыбкий кряж означили во мгле.

1908



БЕДУИН

За Мертвым морем — испепеленные грани
Чуть видных гор. Полдневный час, обед.
Он выкупал кобылу в Иордане
И сел курить. Песок как медь нагрет.

За Мертвым морем, в солнечном тумане,
Течет мираж. В долине — зной и свет,
Воркует дикий голубь. На герани,
На олеандрах — вешний алый цвет.

И он дремотно поет, воспевая
Зной, олеандр, герань и тамариске.
Сидит как ястреб. Пегая абая
Сползает с плеч... Поэт, разбойник, гикс!

Вон закурил — и рад, что с тонким дымом
Сравнит в стихах вершины за Сиддимом.

1908



СОБАКА

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вдыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих -- и думаешь... Мы сами
Тоним себя -- тоской иных полей,
Иных пустынь... за нермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

1909

В Е Ч Е Р

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно --
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Ветлет, сияет облако. Далеко
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знаящим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День печерее, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

1909



СЕНОКОС

Среди двора, в батистовой рубашке,
Стоял барчук и, щурясь, звал: «Корней!»
Но двор был пуст. Две пегие дворилжки,
Щенки, катались в сене. Все синей
Над крышами и садом небо мело,
Как сказочная сонная река,
Все горячей палило зноем тело,
Все радостней белели облака
И все душей благоухало сено...

«Корней, седлай!» — Но нет. Корней в лесу,
Осталась только скотница Елена
Да пчельник Дрон... Щенок замил осу
И сено взрыл... Молочный голубь комом
Упал на крышу скотного варка...

Везде открыты окна... А над домом
Тлк серебрится тополь, так ярко
Листья вверх — как будто из металла,
И воробьи шныряют то из зала,
В тенистый иллисадник, в бересклет,
То снова в зал... Покой, лазурь и свет...

В конопные полусумрак и прохладно,
Навозом пахнет, сбруей, лошадьми,
Каспачки щебечут... И Ами,
Соскучившись, тихонько ржет и жадно
Косит свой глаз лилово-золотой
В решетчатую дверку... Стременами
Звенит барчук, подняв седло с уздой,
Кладет, подируги ловит — и ушами
Придет Ами, вдруг сделавшись стройней
И выходя на солнце. Там к кадушке
Склоняется — блеск, небо видит в ней
И долго пьет... И солнце жжет подушки,
Луку, потник, играя в серебре...

А через час заходят побирушки:
Слепой и мальчик. Оба на дворе
Сидят как дома. Мальчик босоногий
Заглядывает в окна, на пороге
Стоит и медит... Робко входит в зал,
С восторгом смотрит в светлый мир зеркал,
Касается до клавиш фортепьяно —
И, вздрогнув, замирает: звонко, странно
И весело в хорах! — На балкон
Открыта дверь, и солнце жарким светом
Зажгло паркет, и глубоко паркетом

Зеркальный отблеск двери отражен,
И воробьи крикливою станицей
Проносятся у самого стекла
За золотой, сверкающей птицей,
За пиволгой, скользящей, как стрела.

1909



Б Е Р Е Г

За окном весна сияет новая.
А в избе — последняя твоя
Восковая свечка, и тесовая
Длинная ладья.

Причесали, нарядили, справили,
Полотном закрыли бледный лик —
И ушли, до времени оставили
Твой немой двойник.

У него ни имени, ни отчества,
Ни друзей, ни дома, ни родни:
Тихи гробового одиночества
Роковые дни.

Да пребудет в мире, да поконтел!
Как душа свободная твоя,
Скоро, скоро в синем море скроется
Белая ладья.

<1909>



ТУМАН

Сумрачно, скучно светает заря.
Пахнет листвою и мокрыми туманами.
Воют и тянут за рогом псари
Гончие сворами шумными.

Тянут, стихают — и тонут следы
В темном тумане. Людская чуть курится.
Сонно в осиннике квохчут дрозды.
Чаща и дремлет и хмурится.

И до печальных вечерних огней
В море туманных лесов, за долинами,
Будет стонать все скучней и скучней
Рог голосами звериными.

Сирануэ.

1909

С Т О Р О Ж

И сная вечер, сухо позлативший
Дороги, степь и удлинивший тень;
И бледный лик, напротив солнца всплывший:
И четко в ясном воздухе застывший
Среди бахчей курень.

Стар сторож, стар! И слаб и видит плохо,
А век бы жил!.. Так тихо в курене,
Что слышен треск подсохшего гороха...
Да что кому до старческого вдоха
О догоревшем дне!

<1909>



ПОЧНЫЕ ЦИКАДЫ

Прибрежный хрип и голые обрывы
Стенных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливается с небом пивы.

Цветы, колосья, травы им полны,
Он ни на миг не молкнет, но не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.

Ночь стелет тень и влажный берег студит.
Ночь тянет вдаль свой невод золотой —
И скоро блеск померкнет и убудет.

Но степь поет. Как колос налитой,
Полна дуна. Земля зовет: спешите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

От бледных звезд, раскинутых в зените,
И до земли, где стынет лунный сон,
Текут хрустально-трепетные нити.

Из сонма жизней соткан этот звон.

1910

БЕЗ ИМЕНИ

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.

Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.

<1906—1911>



ПСКОВСКИЙ БОР

Вдали темно и чащи строги.
Под красной мачтой, под сосной,
Стою и медлю — на пороге
В мир позабытый, но родной.

Достойны ль мы своих наследий?
Мне будет слишком жутко там,
Где тропы рысей и медведей
Уводят к сказочным тропам.

Где зернь краснеет на калине,
Где гниль покрыта ржавым мхом
И ягоды туманно-сини
На можжевельнике сухом.

1912



Л Е Т Н Я Я Н О Ч Ь

«Дай мне звезду, — твердит ребенок сонный, —
Дай, мамочка...» Она, обняв его,
Сидит с ним на балконе, на ступеньках,
Ведущих в сад. А сад, степной, глухой,
Идет, темнея, в сумрак летней ночи,
По снату к балке. В небе, на востоке,
Краснеет одинокая звезда.

«Дай, мамочка...» Она с улыбкой нежной
Глядит в худое личико: «Что, милый?» —
«Вон ту звезду...» — «А для чего?» — «Играть...»

Лепечут листья сада. Тонким свистом
Суржи в степи еликаются. Ребенок
Спит на колене матери. И мать,
Обняв его, вздохнув счастливым вздохом,
Глядит большими грустными глазами
На тихую далекую звезду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звезд подобна ты порой!

1912

СТЕПЬ

Синий ворон от надали
Алый клюв поднимал и глядел.
А другие косилась и придали,
А кустарник шумел, шелестел.

Синий ворон пьет глазки до донушка,
Собирает по косточкам дань.
Сторона ли моя, ты сторонущка,
Вековая моя глухомань.

1912



ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Среди кривых стволлов, среди нетней корявых
Ползет молочный дым: окуривают сад.
Все яблони в цвету — и вот, в зеленых травах,
Огни, как языки, краснеют и дрожат.

Бесцветный запад чист — жди к полночи мороза.
И соловьи всю ночь поют из теплых гнезд
В дурмане голубом дымящего навоза,
В серебряной пыли туманно-ярких звезд.

1913



ДВА ГОЛОСА

— Ночь, сынок, непроглядная,
А дорога глуха...

— Троеперого знахарю
Я отнес петуха.

— Лес, дремучий, разбойнический,
Темен с давних времен...

— Нож бултный за пазухой
Горячо наточен!

— Реки быстры и холодны,
Перевозчики спят...

— За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд!

— А когда же мне, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Уж длавай мы как следует
Попрощаемся, мать!

1912

Р И Т М

Часы, шипя, двенадцать раз пробили
В соседней зале, темной и пустой,
Мгновения, бегущие чередой
К неизвестности, к забвению, к могиле.

На краткий срок свой бег останови
И вновь узор чеканят золотой:
Заворожен ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силе.

Раскрыв глаза, гляжу на яркий свет
И слышу сердца ровное биенье
И этих строк размеренное пенье
И мыслимую музыку планет.

Все — ритм и бег. Бесцельное стремленье!
Но страшен миг, когда стремленье нет.

1912

* * *

Теплой ночью, горною тропинкой,
Иду в ослинском лесу.
Вокруг и небо белый, ласковый месяц,
В сердце радость мирную несусь.

Свет и тень по мне проходят сетью.
Редкий лес похож на серый сад.
Над горой далекой и высокой
Две звезды полночные лежат.

Вот и дома. Белый, ласковый месяц —
Против белой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звон цикад журчит среди камней.

1913



ПРИ ДОРОГЕ

Окно по ночам голубое,
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплывчатый месяц
Как тусклое блещет пятно.

Дед рано ложится, а внучке
Неволя: лежи и не спи
Да думай от скуки. А долги
Осенние ночи в стенах!

Вчера чумаки проходили
По шляху под хатой. Была
Морозная полночь. Блестели
Колеса, рога у поля.

Тянулась арба за арбою.
И месяц глядел как живой
На шлях, на шагающие тени,
На борозды с мерзлой ботвой...

У Каспия топи, там хватает
Работы на всех — и дально
Ушла бы туда с чумаками...
Да мило кривое окно.

1911

Гелуан (под Каиром)

* * *

Плакала ночью вдова:
Нежно любила ребенка, но умер ребенок.
Плакал и старец-сосед, прижимая к глазам рукава.
Звезды светили, и плакал в закуте козленок.

Плакала мать по ночам.
Плачущий ночью к слезам побуждает другого:
Звезды слезами текут с небосклона ночного,
Плачет господь, рукава прижимая к очам.

1914



МУШКЕТ

Видел сон Мушкет:
Видел он азовские подолья,
На бурьяне, на татарках — алый цвет,
А в бурьяне — ржавых коний колья.

Черт повил в жгуты,
Засушил в крови казачьи чубы.
Эх, Мушкет! А что же делал ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый брат
В Цареграде был посажен на кол.
Брат зовет Мушкета в Цареград —
И Мушкет проснулся и заплакал.

Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошел в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток.

И турецкий хан
Отрубил ему банiku седую.
И швырнули ту банiku в лиман,
И плыла она, качаясь, в даль морскую.

И глядела в высь, —
К господу глаза ее глядели.
И господь ответил: «Не журись,
Не тужи. Мушкет, — поны тебя отнеси».

1913



* * *

Шинит и не истают верблюд,
Ревут, урчат бока скотины.
— Ударь погой. Уже поют
В рассвете алом муэдзинны.

Стамбул жемчужиной-сер идали,
От дыма сизо на Босфоре,
В дыму выходит корабли
В седое Мраморное море.

Дым смешан с холодом воды,
Он пахнет медом и анисом,
И вами, белые сады,
И кизиком, и росной пылью.

Выносит красный самовар
Грек из кофейни под каштаном.
Баранов гонят на базар,
Проснувшись пицце за ханом:

Пора идти, глядеть весь день
На зной и блеск, и иес и посток,
Где только птиц косяк тень
Бежит по выжженному дроку.

1912

МАГОМЕТ И САФИЯ

Сафия, проспавшись, заплетает левкой
Голубой рукою пряди черных кос.
«Все меня ругают, Магомет, жидовкой», —
Говорит скупозь слезы, не стирая слез.

Магомет, с усмешкой и любовью глядя,
Отвечает кротко: «Ты скажи им, друг:
Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя,
Магомет — супруг».

1914



ЗАВЕТ СААДИ

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, то будь
Стволом кипариса, прямым и простым — благородным.

Трапезонд, 1913



ЗАСУХА В РАЮ

От нальм увидших слабы тени.
Ища воды, кричат в тоске
Среброголосые олени
И пожиряют змей в песке.

В сухом лазоревом тумане
Очерчен голлица алый круг,
И сам Азза сжимает длани,
Таит тревогу и испуг.

Снимая с нехудевших нальцев
Златые перетни с бирюзой,
Он дальний вопль земных страдальцев
Внимает с гневом и слезой.

Он говорит: «О род бессильный!
О племя жалкое неведж!»
И жарко веет ветер пыльный
Под легкий шелк его одежд.

1915

* * *

У пубийских черных хижин
Мы и пути коней поили.
Вечер теплый, тихий, темный
Чуть светна шафраном и Ниле.

У пубийских черных хижин
Кто-то цел, томись бесстрастно:
«Я тоскую, я печальна
Оттого, что я прекрасна...»

Мыши ревели, дрожали,
Буйвол ел в прибрежном иле.
Пахло горьким дымом хижин,
Чуть светили звезды в Ниле.

1915



ЦЕЙЛОН

Гора Алагалла

В лесах кричит павани, шумят и плещут ливни.
В болотистых низах, в долинах рек — потоп.
Слоны залезли в грязь, стоят, поднявши бивни,
Сырые хоботы закинувши на лоб.

На тучах зелень пальм — безжизненной металла,
И, тая, заступив графитный горизонт,
Глядит из-за лесов нагая Алагалла,
Как сизый мастодонт.

1915



КАДИЛЬНИЦА

В горах Сицилии, в монастыре забытом,
По храму темному; по выщербленным плитам,
В разрушенный алтарь пастух меня привел,
И увидал я там: стоит нагой престол,
А перед ним, в пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давным-давно пустая,
Лежит кадила — вся черная внутри
От угля и смолы, пылавших в ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

1916

Ц И Р Ц Е Я

На треножник богиня садится:
Бледно-рыжее золото кос,
Зелень глаз и аттический нос —
В медном зеркале все отразится.

Тонко бархатом риза покрыт
Нежный лик, розовато-телесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещут серьги, скользя вдоль ланит.

И Улисс говорит: «О Цирцея!
Все прекрасно в тебе: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сияющий локоть, и шея!»

А богиня с улыбкой: «Улисс!
Я горжусь лишь плечами своими
Да пушком анфельсиным меж ними,
По силе убегающим вниз!»

1916

ЗАКЛИНАНИЕ

На тонкогорлого фила
Я золотое масло лью
На арабийскую жаровню,
На жертву тайную мою:

— «Приди ко мне, замороженной!
Приди к невенчанной жене,
Супруг невенчаный, сраженный
Стрелой в неведомой стране!»

И угли вспыхивают длинным
Зеленым пламенем — и дым,
Лазурный, теплый и угарный,
По бедрам стелется пагим.

И лоб мой стынет, каменеет,
Глаза мутятся, сердце ввысь
Томительная сила тянет,
И груди остро поднялись:

Я предаюсь Тебе, я чую
Твой аромат и наготу
И на предплечьях золотые
Браслеты в ледяном поту!

<1916>

СРЕДИ ЗВЕЗД

Настала ночь, остыл от звезд песок.
Скользя в песке, я шел за караваном,
И Млечный Путь, двоящийся поток,
Белел над ним светящимся туманом.

Он дымчат был, прозрачен и высок.
Он пропал в горах за Иорданом,
Он лился на сумрачный восток,
К иным звездам, к забытым райским странам.

Скользя в песке, шел за верблюдам я.
Верблюд чернел, его большое тело
На верхолом качало ствол ружья.

Седло сухое деревом скрипело.
И верховой кивал, как неживой,
Осыпанной звездами головой.

1916

В ГОРАХ

Поэзия темна, в словах невыразима:
Как взволновал меня вот этот дикий скат.
Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,
Пастушеский костер и горький запах дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мне сердце говорит: «Вернись, вернись назад!»
Дым на меня пахнул, как сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Я говорю себе, пачуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!

1916

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

По лесам бежала божья мать,
Куницей шубкой зная нут младенца.
Сталось в небе Божье Полотенце,
Чтобы ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дина дивна в эту ночь творилась:
Волчьих очи зеленью дымилась,
По кустам сперили без числа.

Две седых медведицы в лугу
На дыбах боролись в ярой злобе.
Грызлись, бились и мотались обе,
Тяжело топтались на снегу.

А в дремучих зарослях, впотьмах,
Жались, табунились и дрожали,
Белым паром из ветвей дышали
Звери с бородами и в рогах.

И огнем выставил за лесом меч
Ангела, летевшего к Сиону.
К золотому Продову трону,
Чтоб главу на Проде отсечь.

1915

ПОМПЕЯ

Помпея! Сколько раз я проходил
По этим переулкам! По Помпея
Казалась мне скучней пустых могил,
Мертвей и чище нового музея.
Я ль виноват, что все позабыл:
И где кто жил, и где ковал фел
В лагах стенах, без крыши, без стропил,
Шла в хоровод, прозрачной тканью вся!

Я помню только древние следы,
Протертые колесами в воротах,
Туман долин, Везувий и сады.

Была весна. Как мед в незримых сотах,
Я в сердце жадно, радостно копил
Избыток сил — и только жизнь любил.

1916



У ГРОБНИЦЫ
ВИРГИЛИЯ

Дикий лавр и плющ и розы,
Дети, тряпки по дворам
И коричневые козы
В сорных травах по буграм.

Без границы и без края
Моря вольные края...
Верю — знал ты, умирая,
Что твоя душа — моя.

Знал поэт: опять весной
Будет смертному дано
Жить отрадою землею,
А кому — не все ль равно!

Запах лавра, запах пыли,
Теплый ветер... Счастлива я,
Что моя душа, Virgilий,
Не моя и не твоя.

1916

КАЛАБРИЙСКИЙ ПАСТУХ

Лохмотья, нож — и цвета черной крови
Недвижные глаза...
Сон давних дней на этой древней нови.
Пюк дрозды. Пять-шесть овец, коза.

Кругом, в пустыне каменистой,
Желтеет дрок. Вдали руины, храм.
Вдали полдневных гор хребет лазурно-мглистый
И тени облаков по выжженным буграм.

1916



* * *

Когда-то, над тяжелой баркой
С широкодонною кормой,
Немало дней в лазури яркой
Качались снасти надо мной...

Пора, пора мне кинуть сушу,
Вдохнуть свободней и полней —
И вновь крестить нагую душу
В купели неба и морей!

1916



МОЛОДОСТЬ

В сухом лесу стреляет длинный кнут,
В кустарнике трещат коровы,
И синие подснежники цветут,
И под ногами лист шуршит дубовый.

И ходят дождевые облака,
И свежим ветром в сером поле дует,
И сердце в тайной радости тоскует,
Что жизнь, как степь, пуста и велика.

1916



С Л О В О

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

1915



ПОЭТУ

В глубоких колодцах вода холодна,
И чем холоднее, тем чище она.
Пастух нерадивый напьется из лужи
И в луже напоит отару свою,
Но добрый опустит в колодец бадью,
Веревку к веревке привяжет потуже.

Бесценный алмаз, оброненный в ночи,
Раб ищет при свете грошовой свечи,
Но зорко он смотрит по пыльным дорогам,
Он ковшиком держит сухую ладонь,
От ветра и тьмы ограждая огонь, —
И знает: он с алмазом вернется к чертогам.

1915

Васильевское

* * *

Просыпаюсь в полумраке.
В занесенное окно
Смуглым золотом Невакий
Смотрит дивно и темно.

Утра сумрачное снежно,
Крест ушел в густую мглу.
За окном уютно, нежно
Жмутся голуби к стеклу.

Все мне радостно и ново:
Занав кофе, люстры свет,
Мех ковра, уют альмова
И сырой мороз газет.

1915

Петербурга



НА НЕВСКОМ

Колеса мелкий снег шарывали и скрипели,
Для поронных надменно пролетели,
Каретный кузов быстро промелькнул,
Блеснувши глянцем стекол мерзлых,
Слуга, едущий с кучером на козлах,
От вихрей голову нагнул,
Поджал губу, снисленную щетиной,
И петер веял красной пелериной
В орлах на позументе золотом...
Все пронеслось и скрылось за мостом,
В темнеющем бурнне... Зажигали
Огни в несметных окнах вокруг меня,
Чернели грубо баржи на канале,
И на мосту, с дыблящего коня
И с бронзового юноши нагого,
Повисшего у диких конских ног,
Дымилась клочья праха снежного...

Я молод был, безвестен, одинок
В чужом мне мире, сложном и огромном.
Всю жизнь я позабыть не мог
Об этом вечере бездомном.

1916

ВЕЧЕРНИЙ ЖУК

На лиловом небе
Желтая луна.
Путается в хлебе
Мрячлая струна:

Шорох жесткокрылый —
И дремотный жук
Потянул унылый,
Но спокойный звук.

Я на миг забылся,
Оглянулся — свет
Лунный воцарился,
Вечера уж нет:

Лишь луна да небо
Да бледнее льна
Зреющего хлеба
Мертвая страна.

1916

* * *

Полночный звон степной пустыни,
Покой небес, тепло земли,
И горький мед сухой полыни,
И бледность звездная вдали.

Что слушает моя собака?
Вне жизни мы и вне времен.
Звездающий сон степного мрака
Самим собой заворочен.

1916



Край без истории... Все лес да лес, болота,
Тригунны, заводи в ольхе и тростниках,
В столетних яворах... На дальних облаках —
Заката летнего краса и позолота,
Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень.
Холодный сивый дым... Стою, рублю кремень,
Курю, стираю пот... Жар етынет — остро, сыро
И припо пахнет глушь. Невидимого клира
Тончайшие поют и неют голоса.
Столбом толчется гнус, таинственно и слабо
Сняетят в куге ужи... Вот гаснет полюса
Чуть греющих лучей, вот закипела жабя
В дымящейся воде... Колтуинный край древлян,
Русь киевских килзей, медведей, лосей, туров,
Полесье бортиков и черных смолокуров —
И теплых сумерек краснеющий шафран.

1916

ПЛОТЫ

С востока дует холодом, чернеет зыбь реки
Напротив солнца низкого и плещет на пески.

Проходит зелень бледная, на отмелях кусты,
А ей навстречу — желтые сосновые плоты.

А на плотах, что движутся с громадою реки
Напротив зыби плещущей, прут плотонники.

Мужичком пахнет жаровом, костры в дыму трещат —
И рдеет красным жаровом на холоде закат.

1916





В О Р Д Е

За степью, в приволжских песках,
Широкое, алое солнце тонуло.
Ребенком уснул у тебя на руках,
Ты вынула из душной кибитки, взглянула
Ни вниз, что в зеркальные соли текла,
Ни солнце, лежащее точно на блюде. —
И слезной отрадой степного, сухого тепла
Поручу я лицо твое, в потные смуглые груди.
Великий был стал за тобой:
Сизифов камень, верблюды ревели,
Костры разноязычно, в дыму пламенели
И лишь потухали в багровою тьмой.
Ты, девочка, тискала сердцем и взором,
Ты ждала ль в тот вечер, садясь на песок,
Тот ~~милый~~ ~~ребенок~~, державший твой темный сосок,
Тот ~~милый~~ ~~Имил~~, о котором

Во веки веков не забудет земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, — что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и лилий ее полевых,
Что я не смиреннее их —
Аттилы, Тимура, Мамай,
Что я их достоин, когда.
Накучив таяться за дождем,
Рву древнюю хартю божью,
Насилую, режу, и граблю, и жгу города?
— Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце в песках потонуло.
Ты скучно в померкшее небо взглянула
И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несметною ратью чернели воза,
В синей ночи прохладой и горечью дуло.

1916



А Л Е Н У Ш К А

Аленушка в лесу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячие,
Блескучие, стоячие.
Мала, мала Аленушка,
А пьет с отцом — до донушка.
Пошла она в леса гулять,
Дружка искать, в кустах вилить,
Да кто ж в лесу встречается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Безделием измучилась,
Зажгла она большой костер,
А в сушь огонь куда востер!
Сожгла леса Аленушка
На тыщу верст, до пенушка,
И где сама девалася —
Донныне не узналося!

<1915>



СКОМОРОХИ

Веселые скоморохи,
Люди сметливые,
Поломайтесь, позабавьте
Свет-бодриня!

Скучно ему во палате!
Днем он выспался,
Шашки, сквазки да побаски
Уж приелися.

На лежаночке в павилинах
Сел он, бляшник,
В желтом стеганом халате,
В пры-мурмолочке.

Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь, как ожил он!
Глаза узкие, косые
Засветились,

Всё лицо его тугое
Смехом сморщилось,
Корешки зубов из роти
Зачернелись...

Ах, недаром вы, собаки,
Виды выдывали!
Шибче, шибче! Чтoб соседи
Нам завидовали!

< 1915 >

* * *

Что ты мутный, светел месяц?
Что ты низко в небе ходишь,
Не по-прежнему сияешь
На серебряные снега?

Не впервой мне, месяц, видеть,
Что окно ее выево,
Что краснеет там лампадка
За шелковой занавеской.

Не впервой я порочаюсь
Из кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу от скуки
Под Кремлем с блаженным Ваней.

И когда он спит — дивуюсь!
А ведь кволий да и голый...
Все смеется, все бормочет,
Что банка моя на плахе
Так-то весело подскочит!

1915

Васильевское

ЗА З И М О К

Сивером на холоде
Обжигает желуди,
Листья и кору.
Свищет рожа ржавая,
Жесткая, корявая,
В поле на юру.

Ходят тучи с пошею,
Мерзлую порошею
Стало чаще дуть,
Серебрятся озими —
Скоро под полозьями
Задымится путь.

Заиграет вьюгою,
И листву муругую
Понесет смелей
По простору вольному,
Гулу колокольному
Стоящих полей!

1915

* * *

Рыжими иголками
Устлан косогор,
Сладко пахнет елками
Жаркий летний бор.

Сядь на эту скользкую
Золотую сушь
С песенкою польскою
Про лесную глушь.

Темнота ветвистая
Над тобой висит,
Красное, лучистое,
Солнце чуть сквозит.

Дай твои ленивые
Девичьи уста,
Грусть твою счастливую,
Песенка проста.

Сладко пахнет елками
Потеленный бор,
Скользкими иголками
Устлан косогор.

1916



ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человешье
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погоди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьи сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

1916

* * *

Синие обои полиняли,
Образы, дагерротипы сняли —
Только там остался синий цвет,
Где они висели много лет.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что некогда любило!
Только тех, кого уж больше нет,
Сохранился незабвенный след.

1916





* * *

Изстанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
И море ровной синевой
Минить в простор пустынный свой.

1916

ДЕДУШКА В МОЛОДОСТИ

Вот этот дом, сто лет тому назад,
Был полон предками моими,
И было утро, солнце, зелень, сад,
Роса, цветы, а он глядел живыми,
Силою темными глазами в зеркала
Богатой снальки деревенской
На свой камзол, на красоту чела,
Изысканно, с заботливостью женской
Напудрен рисом, надушен.
Меж тем как пахло жаркою крапивой
Из-под окна открытого, и звон,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминал, что в должный срок
Пойдет он по аллеям, где струится
С полей нагретый солнцем ветерок
И золотистый свет дробится
В тени раскидистых берез,
Где на куртинах диких роз,
В блаженстве ослепительного блеска,
Впивают пчелы теплый мед,
Где иволга то вскрикивает резко,
То окариною поет,
А вдалеке, за валом сада,
Спешит народ, и краше всех — она,
Стройна, нарядна и скромна,
С огнем потупленного взгляда.

1916



МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

То не красный голубь метнулся
Темной ночью над черной горю —
К черной туче метнулась зарница,
Осветила плетни и хаты,
Гроном гремит далеким.

— Ваша королевская милость, —
Говорит королю Елена,
А король на коня садится,
Пробует, крепки ль подпруги,
И лица Елены не видит, —
Ваша королевская милость,
Пожалейте ваше королевство,
Не садите ночью в горы:
Вражий стан, ваша милость, близко.

Король молчит, ни слова.
Пробует, крепко ли стремя.

— Ваша королевская милость, —
Говорит королю Елена, —
Пожалейте детей своих малых,
Молодую жену пожалейте,
Женуха моего пошлите!

Король в ответ ей ни слова,
Разбирает в темноте поводья,
Смотрит, как светит на горе зарница.

И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
— Вы у нас почевали в хате,
Ваша королевская милость.
На беду мою ночевали.
На мое великое счастье.
Побудьте еще хоть до света,
Отца моего пошлите!

Не пушки в горах грохочут —
Гром по горам ходит,
Проливной ливень в лужах плещет,
Синий зарница освещает
Дождевые длинные иглы,
Ворошеную черноту ночи.
Мокрые соломенные крыши,
Петухи поют по деревне, —
То ли спросонья, с испугу,
То ли к веселой ночи...
Король сидит на крыльце хаты.

Ах, хороша, высока Елена!
Смело шагает она по навозу,
Ловко засыпает коню корма.



ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ

Тает, сияет луна в облаках.
Яблони в белых кудристых цветах.

Зыбь облаков и мелка и нежна.
Возле луны голубая она.

В холоде голых, прозрачных аллей
Пробует цокать, трещит соловей.

В доме, уж темном, в раскрытом окне,
Девочки носы илетет при луне.

Сладок и нов ей весенний рассказ,
Миру рассказанный тысячу раз.

1916

•
• • •
Едем бором, черными лесами.
Вот гора, песчаный спуск в долину.
Вечереет. На горе пред нами
Лес щетинит новую вершину.

И темным-темно в той новой чаще,
Где опять скрывается дорога.
И приждебен мой ящик молчалий.
И надежда в сердце лишь на бога.

Да на бег коней нетерпеливый.
Да на этот нежный и певучий
Колокольчик, плачущий счастливо,
Что на свете все авось да случай.

1916

КОБЫЛЦА

Я снял узду, седло — и полно
Она метнулась от меня.
А я склонился богомольно
Пред солнцем гаснущего дня.

Она взмахнула легкой гривой
И, поздри к ветру обратив,
С тоскою нежной и счастливой
Кому-то страстный шлет призыв.

Едины божии создания,
Благословен создавший их
И совместивший все желанья
И все томления — в моты.

< 1916 >

Л А Н Д ы Ш

В голых рощах веял холод...
Ты светила меж сухих
Мертвых листьев... Я был молод.
Я слагал свой первый стих —

И напек сроднился с чистой
Молодой моей душой
Влажно-свежий, водянистый,
Кисловатый запах твой!

1917



РАБЫНИ

Странно создан человек!
Оттого что ты рабыня,
Оттого что ты без страха
Отскочила от поэта
И со смехом диск зеркальный
Поднесла к его морщинам, —
С вицей жаждой возделенья
Смотрит он, как ты прижалась,
Вся вперед подавшись, в угол,
Как под желтым щелком остро
Встали маленькие груди,
Как сияет смуглый локоть,
Как смолисто пахнут кудри
Вдоль ливийского лица,
На котором черным солнцем
Светят радостно и знойно
Африканские глаза.

<1916>



СПУТНИЦА

Шелковой юбкой шурша,
Четко стуча каблучками,
Ты выбегашь дышать
Утром, морскими парами.

Мать еще спит, ты одна...
Палубу моют, смолою,
Темная, пахнет она,
Море — соленую мглюю.

Мглистая спежеесть кругом
Смешана с золотом жарким
Раннего солнца, с теплом,
С морем цветистым и ярким.

Только что вымытых рук
Крепко и нежно пожитье,
В радостном взгляде -- испуг
За башмаки и за платье:

С шпаброй разутый матрос
Лезет, не выспавшись, чертом...
Льется, горит купорос,
Сине-лиловый, за бортом...

Ах, но на сердце тоска!
Скоро Афины и скоро
Только кинешь ты слегка
С полуопущенным взором!

1916



УКОРЫ

Море с голой степью говорило:
«Это ты меня солончаками
И полынью горькой отравила,
Жарко дуя жесткими песками!

Я ли не господняя криница?
Да не пьет ни дикий зверь, ни птица
Из волны моей солено-жгучей,
Где остался твой песок летучий!»

Отвечает степь морской пустыне:
«Не по мне ли, море, ты ходило,
Не по мне ли, в кипени и сини,
За волной волну свою катило?

Я ли виновата, что осталась,
В час, когда со мной ты расставалось,
Белой солью кипень снеговая,
Голубой полынью синь живая?»

1917



Ранний, чуть видный рассвет,
Сердце шестнадцати лет.

Слава дремотная мгла
Липовым цветом тепла.

Тих и таинствен дом
С крайним заветным окном.

Штора в окне, а за ней
Солнце вселенной моей.

1917

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Вся в снегу, кудрявом, благоуханном,
Вся-то ты гудишь блаженным звоном
Пчел и ос, завистливых и злых...

Старинься, подружка дорогая?
Не беда. Вот будет ли такая
Молодая старость у других!

<1916>





СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ

Там, в полях, на погосте,
В роще старых берез,
Не могилы, не кости —
Царство радостных грез.
Летний ветер мотает
Зелень длинных ветвей —
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не плита, не распятие —
Предо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.

Разве ты одинока?

Разве ты не со мной
В нашем прошлом, далеком.

Где и я был иной?
В мире круга земного,

Настоящего дня,
Молодого, бывшего

Нет давно и меня!

1917





ВОСХОД ЛУНЫ

В чаще шорох потаенный,
Дуновение тепла.
Тополь, сверху озаренный,
Перед домом вознесенный,
Весь из жидкого стекла.

В чашу темную глядится
Круг зеркально-золотой.
Тополь льется, серебрится,
Весь трепещет и струится
Стеклозвонною водой.

<1917>



ВОСПОМИНАНИЕ

Золотыми цветут острьями
У кровати полночные свечи.
За открытым окном, в черной яме,
Шепчет сад беспокойные речи.

Эта тьма, дождевая, сырая,
Вест в горницу свежим дыханьем —
И цветы, золотясь, вырастают,
На лазурном дрожат основание.

Засыпаю в постели прохладной.
Очарован их дрожью растущей.
Молодой, беззаботный, с отрадной
Думой-песней о песне грядущей.

1917

* * *

Щеглы, их знон, стеклянный, неживой,
И клен над облетевшею листгой,
На пустоте лазоревой и чистой.

Уже весь голый, легкий и пестикетый...

О, мука мук! Что надо мне, ему,

Щеглам, листве? И разве я пойму.

Зачем я должен радость этой муки,

Вот этот небосклон, и этот знон.

И темный смысл, которым полон он.

Вместить в созвучия и звуки?

Я должен взять — и, разгадав, отдать,

Мне кто-то должен сострадать,

Что пригревает солнце низким светом

Меня в саду, просторном и раздетом.

Что озаряет желтая листва

Ветвистый клен, что я едва-едва,

Бродя в восторге по саду пустому,

Мою тоску даю понять другому...

— Беру большой зубчатый лист с тугим

Пурпурным стеблем, — пусть в моей тетради

Останется хоть память вместе с ним

Об этом светлом вертограде

С травой, хрустящей белым серебром.

О пустоте, сияющей над кленом

Безжизненно-лазоревым шатром,

И о щеглах с хрустально-мертвым зноном!

1917

* * *

В дачном кресле, ночью, на балконе...
Океана колыбельный шум...
Будь доверчив, кроток и спокоен,
Отдохни от дум.

Ветер приходящий, уходящий,
Веющий безбрежностью морской...
Есть ли тот, кто этой дачи спящей
Сторожит покой?

Есть ли тот, кто должной мерой мерит
Наши знания, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит — да.

То, что есть в тебе, ведь существует.
Вот ты дремлешь, и в глаза твои
Так любовно мягкий ветер дует —
Как же нет Любви?

1918

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настлнет — господь сын блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я всё — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

1918



СТЕПЬ

Сомкнулась степь синеющим кольцом,
И нет конца ее цветущей нови.
Вот впереди старуха на короне,
Скуластая и желтая лицом.

Равняемся. Халат на вате, шапка
С собачьим острым верхом, сапоги...
— Как неуклюж кривой постав ноги,
Как ты стара и узкоглаза, бабка!

— Хозяин, я не бабка, я старик.
Я с виду дрохл от скуки и печали,
Я узкоглаз затем, что я привык
Смотреть в обманчивые дали.

<1919>

М И Х А И Л

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял на клубях синеватых
И дивно глядел на меня.

Порой в алтаре он скрывался,
Светился на двери косою —
И снова народу являлся,
Большой, по колена босою.

Ребенок, я думал о боге,
А видел лишь кудри до плеч,
Да крупные бурые ноги,
Да римские латы и меч.

Дух гнева, возмездия, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый,
Где ты мое сердце пленил!

1919

КАНАРЕЙКА

На родине она зеленая...

БРЕМ

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирною толной!

1921



* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.

Как горько было сердцу молодому,

Когда я уходил с отцовского двора,

Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.

Как бьется сердце, горестно и громно.

Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом

С своей уж ветхою котомкой!

1922



СПРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?
Очарование безответное
Снегов и лунной высоты?

Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И старый дом, и ель смолистая
В сугробах белых под окном?

Пылай, играй стоцетной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою,
Забытой богом навсегда!

1922

* * *

В гелиотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи,
На косогоре далеком — призрак дубравы,
В мокром логоу перед домом — белые травы.

Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного дома —
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.

1922



НОЧНОЙ ПУТЬ

Стой со сжатыми скулами:
Как чугун, тяжелы,
Ходят жадно, акулами
Под тобою валы.

Правь рукою железною:
Из-за шатких снастей
Небо высится звездное
В грозной славе своей.

1922



ВСТРЕЧА

Ты на плече, рукою обнаженной,
От зноя темной и худой,
Несешь кувшин из глины обожженной,
Наполненный тяжелою водой.
С нагих холмов, где стелются сухие
Седые злаки и полынь,
Глядишь в простор пустынной Кумании,
В морскую вечернюю синь.
Все та же ты, как в сказочные годы!
Все те же губы, тот же взгляд,
Исполненный и рабства и свободы,
Умерший на земле уже сто раз.
Все тот же зной и дикий запах лука
В телесном запахе твоём,
И та же мучит сладостная мука, —
Бесплодное томление о нём.
Через века найду в пустой могиле
Твой крест серебряный, и вновь,
Вновь оживет мечта о древней были,
Моя неутоленная любовь,
И будет вновь в морской вечерней сини,
В ее задумчивой дали,
Все тот же зов, печаль времен, пустыни
И красота полуденной земли.

1922

* * *

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила,
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

1922





1885 ГОД

Была весна, и жизнь была легка.
Зияла ядом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.

Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стих и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весной.

И это ты, простой степной цветок,
Забывтый мной, отцветший и безвестный,
На утре дней моих поспрала смерть, как бог,
И увела в мир вечный и чудесный!

1922



ПЕТУХ НА ЦЕРКОВНОМ КРЕСТЕ

Плывет, течет, бежит ладьей,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед — и все поет.

Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века —
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,

Что вечен только мертвых сон,
Да божий храм, да крест, да он.

1922

Амбуаз

Льет без конца. В лесу туман.
Качают елки головою:
«Ах, боже мой!» Лес точно пьян,
Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
Сидит и ложкой бьет ребенок.
Мать на печи, — всё спит она,
В сырых сенах мычит теленок.

В сторожке грусть, мушинный гуд...
— Зачем в лесу звенит овсянка,
Грибы растут, цветы цветут
И травы яркие, как медянка?

— Зачем под мерный шум дождя,
Томясь всем миром и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
И клонят горестные елки
Свои зеленые иголки:
«Ах, боже мой! Ах, боже мой!»

1923

ДОЧЬ

Всё снится: дочь есть у меня,
И вот я, с нежностью, с тоской,
Дождался радостного дня,
Когда ее к венцу убрали,
И сви, неловкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Глядеть на чистое чело,
На робкий блеск невинных глаз
Мне почему-то тяжело,
Но всё ж бледнею я от счастья,
Крестя ее в последний час
На это женское причастье.

Что снится мне потом? Потом
Она уж с *ним* — как страшен он! —
Потом мой опустевший дом —
И чувством молодости странной,
Как будто после похорон,
Кончается мой сон туманный.

1923

* * *

Одно лишь небо, светлое, ночное,
Да ясный круг луны
Глядит всю ночь в отверстие пустое,
В рунну сей стены.

А по ночам тут жутко и тревожно
Ночные корабли
Свой держат путь с молитвой осторожной
Далеко от земли.

Свежо тут дует ветер из простора
Сарматских диких мест,
И буйный шум, подобный шуму бора,
Всю ночь стоит окрест:

То Порт кипит, в песках могилы рвет,
Ярится при луне —
И волосы утопленников моет,
Влача их по волне.

1923



ЗВЕЗДА МОРЕЙ, МАРИЯ

На диких берегах Бретани
Бушуют зимние ветры.
Пустуют в ветре и тумане
Рыбачьи черные дворы.

Печально поднят лик мадонны
В часовне старой. Дождь идет,
С ее заржавленной короны
На ризу белую течет.

Единая, земному горю
Причастная! Ты, что дала
Свое святое имя морю!
Ночь тяжела для нас была.

Огнями звездными над нами
Пылал морозный ураган.
Крутыми черными волнами
Ходил гудящий океан.

Рукой, от стужи онемелой,
Я правил парус корабля.
Но ты сама, в одежде белой,
Сошла и стала у руля.

И креп я духом, маловерный,
И в блеске звездной синевы
Туманный нимб, как отблеск серый,
Сиял округ твоей главы.

< 1920 >



* * *

Уныние и сумрачность зимы,
Пустыня неприветливых предгорий,
В багряной смушке дальние холмы,
А там, за ними, — чувствуется — море.

Там хлябь и мгла. Угадываю их
По свежести, оттуда доходящей,
По туче, в космах мертвенно седых,
Вдоль тех хребтов плывущей и дымящей.

Гляжу вокруг, остановив коня,
И древний человек во мне тоскует:
Как жаждет сердце крова и огня,
Когда в горах вечерний ветер дует!

Но отчего так тянет то, что там?
О море! Мглой и хлябью довременной
Ты все-таки радней и ближе нам,
Чем радости всей этой жизни бременной!

<1925>

БР Е Т А Н Ь

Ночь ледяная и немая,
Пески и скалы берегов.
Тяжелый парус поднимая,
Рыбак идет на дальний лов.
Зачем ему дан ловчий жребий?
Зачем в глухую ночь зимой
Простер и ты свой невод в небе,
Рыбак нещадный и немой?
Слет серебристый, тихий, вечный,
Кресты погибших. И в туман
Уходит плащаницей млечной
Под звездной сетью океан.

<После 1920 года>

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окнах блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
Да постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

<1952>





ГОДИВА

Поэма А. Теннисона

Я в Ковентри ждал поезда, толкался
В толпе народа по мосту, смотрел
На три высоких башни — и в поэму
Облек одну из древних местных былей.

Не мы одни — плод новых дней, последний
Посев Времени, в своем нетерпеливом
Стремлении вдале злословящий Былое, —
Не мы одни, с чьих праздных уст не сходят
Добро и Зло, сказать имеем право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правил
Назад тому почти тысячелетье,
Любила свой народ и претерпела
Не меньше нас. Когда налогом тяжким
Граф обложил свой город, и пред замком
С детьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: «Подать нам грозит
Голодной смертью!» — в графские покои,
Где граф, с своей аршинной бородой

И подсаженной гривой, по залу
Шагал среди собак, пошла Годива
И, рассказав о воплях, повторила
Мольбу народа: «Подати грозят
Голодной смертью!» Граф от изумленья
Раскрыл глаза. «Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!» — сказал он.
«Я умереть согласна!» — возразила
Ему Годива. Граф захохотал.
Петром и Павлом громко лобожился,
Потом по бриллиантовой сережке
Годиве щелкнул: «Росказали!» — «Но чем же
мне доказать?» — ответила Годива.
И жесткое, как длань Исавы, сердце
Не дрогнуло: «Ступайте, — молвил граф, —
По городу нагая — и нологи
Я отменю», — ишемширо нивнул ей
И зашагал среди собак из залы.

Такой ответ сразил Годиву. Мысли,
Как вихри, закружились в ней и долго
Вели борьбу, пока не победило
Их Состраданье. В Колентри герольда
Тогда она отправила, чтоб город
Узнал при трубных звуках о позоре,
Назначенном Годиве: только этой
Ценою облегчить могла Годива
Его удел. Годиву любят, — пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступит за порог и ни единый
Не взглянет глаз на улицу: пусть все
Затворят двери, спустят в окна ставни
И в час ее проезда будут дома.

Потом она поспешно поднялась
Наверх, в свои покои, расстегнула
Орлов на пряжке пояса — подарок
Сурового супруга — и на миг
Замедлилась, бледна, как летний месяц,
Полузакрытый облачком... Но тотчас
Трихнула головой и, уронивши
Почти до пят волну волос тяжелых,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Вниз по дубовым лестницам — и вышла.
Скользая, как луч, среди колонн, к воротам,
Где уж стоял ее любимый конь,
Весь в пурпуре, с червленными гербами.

На нем она пустилась в путь — как Ева,
Как гений целомудрия. И замер,
Едва дыша от страха, даже воздух
В тех улицах, где ехала она.
Разинув пасть, лукаво велел за нею
Косился жёлоб. Тяжканье дворняжки
Ее кидало в краску. Звук подков
Пугал, как грохот грома. Каждый ставень
Был полон дыр. Причудливой толпою
Шлизи домов глазели. Но Година,
Крепясь, все дальше ехала, пока
В готические арки укреплений
Не засияли цветом белоснежным
Кусты густой цветущей бузины.

Тогда назад поехала Година —
Как гений целомудрия. Был некто,
Чья низость в этот день дала начало
Пословице: он сделал в ставне щелку

И уж хотел, весь трепеща, прильнуть к ней,
Как у него глаза оделись мраком
И вытекли, — да торжествует вечно
Добро над злом. Година же достигла
В неведении замка — и лишь только
Вошла в свои покои, как ударил
И загудел со всех несметных башен
Стозвучный полдень. В мантии, в короне
Она супруга встретила, сняла
С народа тяжесть податей — и стала
С тех пор бессмертной в памяти народа.

1906



ПРИМЕЧАНИЯ

«Не видно птиц. Покорно чахнет...» (стр. 27). Эти стихи, как вспоминал М. Горький, читал по памяти, гуляя с ним в лесу в Ясной Поляне, Л. Н. Толстой и восклицал при этом: «Очень хорошо, очень верно!»

Цыганка (стр. 28). *Большак* — большая просекая дорога, тракт.

«Магилы, ветряки, дороги и курганы...» (стр. 39). *Ветряки* — ветряные мельницы.

Копыль (стр. 40). «Где Игоря обозы приходили». — Бунин говорит о походе князя Игоря на половцев (1185 год), воспетом в «Слове о полку Игореве».

На хуторе (стр. 42). Бунин рисует здесь образ своего

отца, разорившегося орловского дворянина, участника Севастопольской обороны.

Листопад (стр. 48). *Шугай* — старинная женская одежда, коротконопалая кофта. *Стожары* — народное название созвездий, преимущественно Плеяд.

В отъезжем поле (стр. 53). Отъезжим полем назывались отдаленные от жилья или дома места, где проходила псовая охота (с гончими и борзыми собаками). Текст печатается по Полному собранию сочинений, т. 1, 1915 г.

Кустарник (стр. 55). Текст печатается по Полному собранию сочинений, т. 1, 1915 г.

Весилка (стр. 56). *Петровки* — пост перед Петровым днем, приходившимся на 29 июня старого стиля.

«Старик у хаты велл, подбрасывал лопату...» (стр. 68). *Спас* — в данном случае: осенний церковный праздник. *Пляхта* — род юбки, распространенный на Украине, кусок ткани, обернутый вокруг бедер.

Разпалины (стр. 70). *Понт* — Черное море.

Сиваш (стр. 72). Восстанавливается название по Полному собранию сочинений, т. 1, 1915 г. И. А. Бунин сшил название, публикуя стихотворение за рубежом.

«Норд-остом жгут пылающие зори...» (стр. 73). *Норд-ост* — северо-восточный ветер. *Вечерняя звезда* — Венера.

«Обрыв Яйлы. Как руки фурий...» (стр. 74). *Яйла* — горы в Крыму. *Фурии* — богини мщения в древнеримской мифологии. *Астрагал* — род кустарника. *Василиск* — сказочное существо, полуитица-полузмея, убивающий своим взглядом все живое.

Запустение (стр. 78). *Клавесины* (клавесин) — старинный музыкальный инструмент, предшественник фортепиано.

Сапсан (стр. 82). *Сапсан* — сокол. *Омёт* — скирд соломы. *Привада* — приманка.

«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий...» (стр. 91). *Голубец* — деревянный крест с кровелькой, установленный при дороге. *Корёц* — ковш.

Речка (стр. 92). *Помол* — свежая мука, смолотое зерно.

Пихарь (стр. 93). *Подоби* — прутья или веревки, скрепляющие рассоху (на которой насаживаются сошники) с оглоблями сохи. *Сошники* — режущие землю железные наконечники сохи, лемеха.

Песня (стр. 94). *Баштан* — бахча.

«Огромный, красный старый пароход...» (стр. 97). *Фёска* — шаночка с кистью. *Арабёски* — восточный (арабский) орнамент, сложное переплетение линий, геометрический узор.

Стамбул (стр. 99). В первых двух строфах стихотворения говорится о завоевании турками Константинополя и падении Византийской империи (май 1453 г.). Русские называли Константинополь Царьградом, турки переименовали его в Стамбул, подвергнув при захвате этот богатейший и пышный город жестокому погрому. *Скутари* — предместье Стамбула на азиатском берегу пролива, где расположено несколько кладбищ. *Базлика* — христианский храм. *Сераль* — дворец турецких султанов. В своих путевых очерках («Тень Птицы») Бунии отмечал «совершенное безлюдье» и запустение стамбульских «мертвых дворцов» султана, запущенность окружающих Старый Сераль садов.

Гробница Сафин (стр. 100). *Сафия* — одна из жен турецкого султана Мехмеда II, завоевателя Константинополя. *Чернец* — монах. *Геллеспонт* — древнегреческое название пролива Дарданеллы. *Тюрбэ* — надгробный камень у мусульман.

Океаниды (стр. 101). *Океаниды* — морские нимфы, дочери бога-титана Океана.

С обезьяной (стр. 108). *Фонтан* — дачная местность под Одессой. *Загреб* — город в Хорватии.

Балагула (стр. 110). *Балагула* — извозничий экипаж на Украине. *Тютюн* — табак. *Аккерман* — город на берегу Днестра.

Кошка (стр. 114). Восстанавливается название по Полному собранию сочинений, т. III, 1915 г.

На Плющихе (стр. 115). *Плющиха* — улица в Москве.

Иней (стр. 117). Восстанавливается название по Полному собранию сочинений, т. III, 1915 г.

Новый храм (стр. 116). *Назарет* — город в Галилее, где, по преданию, в семье плотника Иосифа («верстак и кубовый хитон») провел детство Христос. *Кубовый* — синий. *Хитон* — род длинной рубахи.

Художник (стр. 121). В этом стихотворении описан А. П. Чехов в его домике в Ялте, где часто бывал друживший с Чеховым Бунин.

В Архипелаге (стр. 124). Бунин рисует здесь греческие острова, расположенные в Эгейском море, — один из очагов античной цивилизации. Грецию в путевых очерках Бунин называл родиной «самых жизненных и самых радостных из всех мифов». *Эол* — бог ветра у древних греков. *Посейдон* — бог морей. *Портик* — колоннада, крытая свеху. *Феб* — бог света, солнца, поэзии.

Бедуин (стр. 127). *Бедуин* — араб-кочевник. *Иордан* — река в Палестине. *Тамариск* — южный кустарник. *Абая* — род накидки, плаща у арабов. *Гикс* — кочевник, представитель кочевых народов гиксов (гиксосов), некогда захвативших почти на столетие древний Египет. *Сиддйи* — долина близ Мертвого моря.

Сенокос (стр. 130). *Варок* — скотный двор, стойло.

Туман (стр. 134). *Людская* — помещение для двора, слуг и барском доме.

Два голоса (стр. 142). Написано по мотивам русской народной песни «Ночь темна да не месячна».

При дороге (стр. 145). *Чумаки* — торговцы на Украине, возившие на волах соль, рыбу и другие товары. *Тоня* — водный участок, где ловят рыбу закидным пегодом.

«Шипит и не встает верблюд...» (стр. 149). *Муэдзины* — мусульманские священнослужители, с высоты минаретов призывающие верующих к молитве. *Хан* — постоянный двор на Востоке. *Дрок* — кустарник с желтыми цветками.

Магомет и Сафия (стр. 150). *Магомет* (Мухаммед; 570—632) — основатель ислама. *Сафия* — одна из его четырех жен.

Завет Саади (стр. 151). Вольный перенос фрагмента из восьмой главы «Гулистана» великого персидского поэта Саади (1210—1292).

Засуха в раю (стр. 152). Текст печатается по журналу «Летопись» 1916 г., № 1.

«У пубийских черных хижин...» (стр. 153). *Пубия* — область в верховьях Нила, современный Судан.

Цирцея (стр. 156). В основе стихотворения — образ волшебницы Цирцеи (или Кирки) из «Одиссеи» Гомера. Очарованный Цирцеей Одиссей (Улисс) был надолго задержан на ее острове Эл. *Аттический* — греческий. *Ланиты* — щеки.

Бегство в Египет (стр. 160). По евангельской легенде, иудейский царь Ирод, услышав о рождении в Вифлееме первенца, который будто бы станет царем иудейским, приказал перебить там всех младенцев. Предупрежденная об опасности ангелом, богоматерь Мария с маленьким Христом и Иосифом бежали в Египет, откуда возвратились лишь после смерти Ирода. На сюжет «Бегства в Египет» создано много произведений мировой живописи. Бунин придал легенде русский сказочный колорит. *Божье Положенце* — Млечный Путь. *Сион* — гора и крепость в Иерусалиме, где находился знаменитый храм; в широком значении — Иерусалим.

Помпеи (стр. 161). Древнеримский город Помпеи (Помпеи), близ Неаполя, был в 79 г. н. э. засыпан пеплом при извержении вулкана Везувия. Вера Николаевна Бунина, жена поэта, вспоминала, что Бунин особенно поражали каменные «очень глубокие колен при входе в этот мертвый город».

У гробницы Вергилия (стр. 162). Великий древнеримский поэт Вергилий (70—19 г. до н. э.) похоронен близ Неаполя.

Калабрийский пастух (стр. 163). *Калабрия* — самая южная область Италии.

«Край без истории... Все лес да лес, болота...» (стр. 172). «*Невидимого клира... поют и поют голоса*» — голоса комаров (*клир* — церковный хор). «*Колтунный край*». — *Колтун* — склеивающая волосы болезнь кожи на голове; была распространена в Белоруссии и Полесье. *Бортники* — пчеловоды, промышлявшие сбором меда лесных пчел, живших в колодах и дуплах деревьев.

Зазимок (стр. 179). *Сйвер* — северный ветер. *Мурҕгий* — рыже-бурый, желто-бурый, черно-бурый (чаще о масти животных).

«Синие обои полиняли...» (стр. 182). *Датерротыны* — так по имени изобретателя Датера называются первые фотографии, исполненные в середине XIX века, до введения современных способов фотографирования; делались на металлических пластинках.

Дедушка в молодости (стр. 184). *Окарина* — духовой глиняный музыкальный инструмент, по звуку напоминающий флейту.

Молодой король (стр. 185). Как отмечал Бунин в заметках «Думая о Пушкине» (1926), это стихотворение написано под впечатлением пушкинских «Песен западных славян». Работая над стихотворением, Бунин вспоминал также свое пребывание в Белграде и плавание по Дунаю.

Ландыш (стр. 190). В «Автобиографической заметке» (1915) Бунин писал: «В апреле 1887 года я отправил в петербургский еженедельный журнал «Родина» стихотворение, которое и появилось в одном из майских номеров. Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно пересчитывал свое произведение, никогда не забуду».

«Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...» (стр. 201). *Вертоград* — сад.

Михаил (стр. 205). Архангел Михаил, изображение которого на стенах церкви описывает Бунин, считался у христиан предводителем небесного воинства в его борьбе с темными силами ада.

Звезда морей, Марии (стр. 218). *Бретань* — полуостров на западе Франции. *Лик мадонны* — скульптурное изображение богородицы Марии. «Ты, что дала свое святое имя морю!» — латинское слово *mare* (море) созвучно с именем «Мария».

«Уныние и сумрачность зимы...» (стр. 220) «*В багряной смушке дальние холмы*». — *Смушка* — курчавая шкурка ягнценка. Холмы, вероятно, покрыты багряными осенними виноградниками.

Ночь (стр. 222). *Мистраль* — холодный северный или

северо-западный ветер, дующий зимой на берегах Средиземного моря, в частности на юге Франции, где в Канне не один год жил Бунин.

Годива (стр. 223). Свой перевод поэмы английского поэта А. Теннисона (1809—1892) «Годива» Бунин опубликовал в четырнадцатом выпуске сборников «Знание» в 1906 г. *Годива* — жена графа Честера (XI век): чтобы добиться от мужа сокращения налогов, разорвавших город Ковентри, она, как гласит легенда, согласилась проехать на коне через весь город. В честь Годивы горожане Ковентри в дни ярмарок в течение нескольких столетий устраивали праздничные шествия. «*И жесткое, как длань Исаа, сердце.*» *Исаа* — персонаж Библии, сын патриарха Исаака и Ревекки, продавший за чечевичную похлебку свое право первородства брату Иакову. Жесткое, сильное его тело было покрыто полосами.



СОДЕРЖАНИЕ

Николай Банников. Поэзия Бунина. 5

Стихотворения

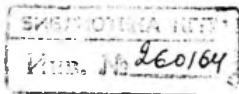
«Не видно птиц. Покорно чахнет...».	27
Цыганка.	28
Октябрьский рассвет.	29
«Седое небо надо мной...».	30
«Пустынные поля, пейзажи деревень...».	31
«Как все вокруг сурово, снежно...».	32
«Ту звезду, что качалась в темной воде...».	33
«Бушует полая вода...».	34
«Еще от дома на дворе...».	36
«Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...».	37

«Неуловимый свет разлился над землею...»	38
«Могилы, ветрики, дороги и курганы...»	39
Копыль (Отрывок).	40
«Скачет пристяжная, снегом обдаёт...»	41
На хуторе.	42
«Веру твою руку и долго смотрю на нее...»	43
«Я к ней пошел в полночный час...»	44
«Все лес и лес. А день темнеет...»	45
«Нет солища, но светлы пруды...»	46
Листопад (Отрывки).	48
«Еще и холоден и сыр...»	52
В отъезде поле.	53
«Любил он ночи темные в палатке...»	54
Кустарник.	55
Веснянка (Отрывок).	56
«Облака, как призраки развалины...»	59
«Перед закатом набежало...»	60
«Крест в долине при дороге...»	61
Северная береза.	63
«На окне, серебряном от инеи...»	64
«Первый утренник, серебряный мороз!...»	65
После битвы.	66
«Зеленый цвет морской воды...»	67
«Старик у хаты всял, подкидывал лопату...»	68
«Уж подсыхает хмель на тыне...»	69
Развалины.	70
Сияаш.	72
«Норд-остом жгут пылающие зори...»	73
«Обрыв Яйлы. Как руки фурий...»	74
«На поднебесном утесе, где бури...»	75
Одиночество.	76
Запустение.	78
Сансан.	82
«Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...»	86
«Густой зеленый ельник у дороги...»	87
Русская весна	88
Чибисы.	89
Детство.	90
«В лесу, в горе родник, живой и злопкий...»	91
Речка.	92

Пахарь.	93
Песни («Я — простая девка на бантане...»).	94
«Мы встретились случайно, на углу...».	95
Донник.	96
«Огромный, красный, старый пароход...».	97
Стамбул.	99
Гробница Сафни.	100
Океаниды.	101
В Москве.	102
Вальс.	103
При свече.	104
«Ограда, крест, зеленая могила...».	105
«Растет, растет могильная трава...».	106
Дядька.	107
С обезьяной.	108
Валагула.	110
Горе.	111
Песня («Запела на воле...»).	112
«Там иволга, как флейта, распевала...».	113
Кошка.	114
На Плющихе.	115
Новый храм.	116
Иней.	117
Чужая.	118
Пустошь.	119
Художник.	121
«В полях сухие стебли кукурузы...».	123
В Архипелаге.	124
Бог полдня.	125
Караван.	126
Бедуин.	127
Собака.	128
Вечер.	129
Сенокос.	130
Берег.	133
Туман.	134
Сторож.	135
Ночные цикады.	136
Без имени.	137
Псковский бор.	138
Летняя ночь.	139

Стень («Синий ворон от падали...»).	140
Холодная весна.	141
Два голоса.	142
Ритм.	143
«Теплой ночью, горною тропинкой...».	144
При дороге.	145
«Плакала ночью вдова...».	146
Мушкет.	147
«Шипит и не остает верблюд...».	149
Магомет и Сафия.	150
Завет Саади.	151
Засуха в раю.	152
«У пубийских черных хижин...».	153
Цейлон.	154
Кадильница.	155
Цирцея.	156
Заклинанию.	157
Среди звезд.	158
В горах.	159
Вегетов в Египет.	160
Помпел.	161
У гробницы Вергилия.	162
Калабрийский пастух.	163
«Когда-то, над тяжелой баркой...».	164
Молодость.	165
Слово.	166
Поэту.	167
«Просыпаюсь в полумраке...».	168
На Невском.	169
Вечерний жук.	170
«Полночный звон степной пустыни...».	171
«Край без истории. Все лес да лес, болота...».	172
Плоты.	173
В Орде.	174
Аленушка.	176
Скоморохи.	177
«Что ты мутный, светел месяц?..».	178
Зазимок.	179
«Рыжками иголками...».	180
Последний шмель.	181
«Синие обон полиняла...».	182

«Настанет день — исчезну я...».	183
Дедушка в молодости.	184
Молодой король.	185
Первый соловей.	187
«Едем бором, черными лесами...».	188
Кобылица.	189
Ладыши.	190
Рабыня.	191
Спутница.	192
Узоры.	194
«Ранний, чуть видный рассвет...».	195
Старая лблоня.	196
Свет незакатный.	197
Восход луны.	199
Воспоминание.	200
«Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...».	201
«В дачном кресле, ночью, на балконе...».	202
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...».	203
Степь («Сомкнулась степь синеем кольцом...»).	204
Михаил.	205
Капарейка.	206
«У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...».	207
Сириус.	208
«В геллиотроповом свете молний летучих...».	209
Ночной путь.	210
Встреча.	211
«Зачем пленяет старая могила...».	212
1885 год.	213
Петух на церковном кресте.	214
«Льет без конца. В лесу туман...».	215
Дочь.	216
«Одно лишь небо, светлое, ночное...».	217
Звезда морей, Мария.	218
«Уныние и сумрачность зимы...».	220
Бретань.	221
Почь.	222
Година. <i>Поэма А. Теннисона</i>	223
Примечания	227



Для старшего
школьного возраста

Иван Алексеевич Бунин

СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ

Стихотворения

ИБ № 4626

Ответственный редактор

Г. И. Гусева

Художественный редактор

С. И. Вишня

Технические редакторы

И. П. Савенкова

и Л. С. Степина

Корректоры

Г. Ю. Жильцова

и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 13.10.80. Подписано к печати 11.03.81. Формат 70×100^{1/32}. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,75. Усл. кр.-отт. 19,83. Уч.-изд. л. 6,01. Тираж 100 000 экз. Заказ № 108. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 2-я Советская, 7.